

СМЕНА



№ 17 (895)

СЕНТЯБРЬ 1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



НЕ ПО ЛЮБИ

Элла ЧЕРЕПАХОВА,
специальный
корреспондент
«Свиный»

Я чувствовала, что свалилась как снег на голову, появившись в одно прекрасное утро на Орловском заводе текстильного машиностроения.

Я искала встречи с агрономом Риммой Васильевой, хотя на первый взгляд завод — странное место для агронома. Как говорится, не то поле деятельности, потому что, конечно, никакого здесь поля не было, разве что футбольное.

В отделе кадров долго не могли понять, какого такого агронома мне надо, пока кто-то не хлопнул себя по лбу.

— Ах да, Римма... Озеленитель Римма... Ну, конечно же... Так бы и говорила: озе-ле-ни-тель.

Через четверть часа я стояла возле крошечной заставленной теплицы. Возле махоньких, похожих на свежезасыпанные могилок грядок — открытого грунта — ходила с ведром невяскоя менчица с непокрытой головой. Солнечные лучи заплутали в мелких, тугих курдюшках ее волос, зеленые глаза смотрели озабоченно, уставно и, мне показалось, тоскливо... Она была в рабочем заштопанном халате, который не жалко качать землей, в стоптанных туфлях на босу ногу. Как-то пожимая плечами и девочка-помощница снова шла в парнике у стальной с вышками раскладой. Оттуда свежо пахло зеленым, землей, пресным запахом пара, который обгоревает теплицу изнутри.

Мы вошли в стеклянный подземелье, пошли по аллеемике меж растений-неженко, привыкших за зиму к своему климату, мимо крошечного огороди-

на, где на парниковой земле бледно зеленели крошечные огурцы. Голубовато-зеленая, похожая на грушевую капусту трава хвехерия, пестрые листья кани...

Несколько десятков шагов — и экскурсия окончена. Вот, значит, какое теперь тво хозяйство, Римма!

— А что? Что-нибудь не в порядке? Все маточники выкопаны вовремя, и торфяной земли завезено достаточно, все заказано на оптово-розничной базе Госзеленхоза получено и оплачено в срок. И даже журнал посадок в полном порядке, пожалуйста... Жалоб как будто нет! Верно! Ну вот видите... Все мной довольны, и я довольна всем. Да-да, решительно всем!

Она говорила излишне твердо, с настоятельной, слишком настоятельной попыткой убедить... Кто? Меня или себя? Я немного знала ее историю. Очень просто. Заурядно.

— Сколько вам лет, Римма?

— Двадцать семь.

— Всего двадцать семь?

— Уме двадцать семь... Почти тридцать... Что вы пишете? Писать нечего, ей-богу... Ничего у меня особенного в жизни не было и теперь уж не будет. Как говорится, никаких достижений... Радовой труженицы... Знаете, в юности, как все, махала крыльшками: «Вся Россия будет наш сад», — мечтала колос в два килограмма весом вырастить... Комично, да! Ну, а жизнь легко сбивает пылицу — она трагедия, жесточе... И вот тебе уже двадцать семь, и ты превалила к мысли, что мне всем же везет». Кто-то парит, горит, а кто-то делает будничное, обыкновенное, даже скучное. Тянет ляльку... Так завлечено. У каждого — своя судьба...

Что сказать? Стать в позу и с чувством: «Да как же ты умудрился быть несчастной в городе, который, как никакой другой, заслужил себе славу «города великих удачликов»? Нет, правда, когда только не возрастала, не подила Орловщина — родина Тургенева и Ласкова, Бунина и Трещина, Семашко и Серрежи Тюленина! А какие женщины вышли отсюда! Возмите хоть Марину Чечневу, летчицу-героиню, хоть знаменитую потестесу Марью Воеводку, хоть Ефросинию Тазанкову, чепелова, все никак промещающего на землю и создающего ту поэзию труда, для выражения которой ищут и ищут краски в своих палитрах искусники слова...»

Но не умело декламировать. А все же серьезно, отсюда бродит неудачник? Я смотрю, как Римма, не сходя с места, обводит свое

Борис ПУЦЬЛО



Встречаются порою в парке,
А чаще средь чащ лесных
Роскошестве пугиряхи
С главой почти у звезд самых.
Владыки леса, стоя порознь,
Во всем главенствуют один:
Они бросают тень на поросль,
Отводят место ей в тени.
И тонкоствольные подростки
С бело-зеленым дымом крон,
Как театральные подмостки,
Как выходящий безалый фон.
Но чудится порою зною,
Возможность выходов нимф:
Когда искусный выдох зноим,
Проледая тень под свелью их,
Когда гроза над лесом ахнет

И град падет, тажед, свинцов,
Тогда они не пугиряхи —
Они похожи на отцов.
Они с отгагой настоящей
Встают перед любой бедой.
И легче тем, в тени стоящим,
За напряженной их сплывкой.
Но вот врывается в чащу бог,
Звенят илаой и топором.
К ним валится владыки в ноги,
Дрожа листовой и всем нутром.
Не опустевшие поляны,
Как раскрас, ляжет тишина...

Вдруг к себе шумно поросль привет,
От ранней бед, от слез ранней,
От власти ранней спасена.

Проветривая всех стран, соединяйтесь!

МЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания сороч парный
Выходит два раза в месяц



СЕНТЯБРЬ
1964
(895)

куольное хозяйство тихими, приглашенными глазами. Уме двадцать семь... А что? В общем, она права: двадцать семь — немало. А кажется, совсем недавно окончен Кубанский сельхозинститут и обрзаны косы под шутки знакомых ребят.

— Правильно! Подстрижение кроны в учебнике называется «командированием».

Как? Будто все так недавно... Направление на Орджоникидзе в колхозе еще лет Октябрье.

— Там было большое хозяйство, Римма? Она задумывается.

— Тогда мы казались, но особенно. Ну, как бы сказать, мерки были не те... Двадцать тысяч гектаров. Может, больше...

Председатель оказался мужик неплохой, но работу требовал — дай божень! Он давно ждал агронома с образованием и теперь не отставал от Риммы. И пошло-поехало: колхоза весеннего сева, распределение тракторов, подпорки, то, другое, третье, ругая с бригадирями, бедотня, незарплата, распроликая скидки для района.

Когда давали лошадей, а когда приколосило и пшеником. И житье на частной квартире... Ой, это житье, когда дома не идет мама с оводом, с нагнетанной патлыю, нагопленной пачкой или просто лот с лакричным словом!

Кто пережил... поймет Пуйман мучительные пробуждения затаенно, чутянюю усталость, отчаяние перед заморозками, засухами, ветрами, градом, вредителями, лобдирями, начальством из район...

Все так. И все не так. В каждой самостоятельно начинающийся жизни есть своя искуса, свою испытательный срок, когда требуется напряжением всех душевных и физических сил, чтобы войти в новый круг людей, товарищей по труду, вжиться в новый быт, сделать своей непривычную среду, постараться понять и принять ее. Тогда ты становишься естественной частью этого организма, и муки первоначальной отливаете в адоющую, нерушимую привязанность — к заводу, земле, радации... где бы ты ни работал, кем бы ни был.

Римма не дождалась своего второго дыхания. Она полплакала в конторе у председателя и поскандальила в кабинете секретаря райкома партии, старшегося удержать ее. Она и слышать не стала речей о том, что не только человек нужен земле, но и земля нужна человеку для счастья. Возможно, она думала, что мир об Антее, погибшем от разлуки с землей, был не

более чем обычным вымыслом. Она ушла из колхоза.

И мечта ее юности потускнела, съезжилась, утратила безбрежность... Она отревлась от судьбы, которая отдавала ее во власть сплуживе земле, людям. Она хотела другого — спокойной, поудобнее...

Уже без нее там что-то переделывали, укрупили, строили. Она слышала совсем недавно, что построили огромный богатый совхоз. Видите, как!... Так оно и бывает... Там хорошо, где нас нет...

— А почему тебя нет там, Римма? — Потому что потому кончается на «у». Так дети говорят!

Но вообще-то она действительно готова была встать вот так: «У» — на новой своей работе, в подобном хозяйстве горничной. Хотя место было тихое, и хозяйство совсем против прежнего небольшое — 60 гектаров. Коровки, свинки, парничок. С порослятами было мучение: не любила свинок: жадные, вредные, что ни дай — сожрут, и все мало. Мозолы набрала, шерсть на корки им вылизывала. А потом на ней лежало и счетоводство, и всякая черная работа, и ездить до дома было далеко, и вообще... она вышла замуж.

Когда должен был появиться ребенок, она с облебенением расталась с нярками, свиньями, участком за рекой Цон. Ну его совсем... Ведь она все-таки агроном, а не зоотехник, верно?

Нет, и здесь не лежала ее судьба, и здесь не пугала она коровшек, но оставила сердца. Сердце, небось, одно, его беречь надо... И Бергеля.

Для чего?

Когда девочку устроила в яси, сидеть сложна суми не стала — не из таких. Начал работать она мало недалеко. И вообще — удобно. «Тем-сам», должность озеленителя. Город. А работа? Чем не работа! Озеленение завода — это честь производственной эстетике, улучшение условий труда, сам ты пишешь, верно?

Да, верно. Кто бы спорил? Машины и цветы... В эпоху олимпийского современности и ее признали. Озеленитель... Забавное слово. Маг весны и лета, заведующий всей листвою, росой, цветами и фонтанями, деревьями и бабочками в железном, горячем городе станков. Нет, должность неплохая. Но отчего же и здесь должность, а не призвание?

Только должность. Не по любви... В теплице тихо. Никаких звуков, кроме наших

голосов. Не прожужка здесь пчела (были раньше ульи, но пчелы полимеризовали, не астречают музички, соревнуясь с медальным звуком работающих в поле машин). И только земля по весне пахнет, как тогда, как в деревне, натюкая не то траву, не то болы... О чем? О чем? Чего она не успела, кто упустила!

Все как будто рассчитала, сама устроила свой мир, несколько могла, практично. Свой, маленький, застенчивый мир в несколько десятков шагов — вдоль и поперек.

Она прождала меня до проходной. Был обеденный перерыв. Из цехов выходили люди, шли навстречу, но никто не здоровался с Риммой, никто не узнавал ее. Не из вражды — просто были незнакомы. И только один погнавшись по дороге человек в шапке и плаще заговорил с ней. Это был ее начальник, воспользовавшийся встречей, чтобы отдать какие-то распоряжения. Римма слушала внимательно. Конечно, она все делала добросовестно. Она хлб зря есть не любит. Не из такти. А знакомым не завела здесь за три года работы. Как-то не пришлося.

Сбергла свое сердце Римма: нигде не оставила ни кусочка, ни капельки. А для чего?

Не приросла к земле в колхозе, не прилепила душой ни к большому хозяйству, ни к малому, ни к самому крохоткому — к несколько гектар. Ушла от ворот жизни к калитке. Сама ушла. И вот... дни без событий, неделя без происшествий, длинные, тягучие месяцы. Когда со-существовала с жизнью рядом как небрежный, равнодушно-важливый сосед, она гасит свои краски, скрывает глубины, скрывается на счастье перемен, изменений, движения. Человек взводит вокруг себя невидимые стены, и они не-двонимо скрепляют от него горизонт...

Молодые рабочие, а наглаи, разгоряченные азартом футбольной игры, закинул меч в кустарник — Риммину посадку. Она была нарала воздух в легкое, чтоб одернуть их, но раздумала: — Лень орать... Солышком разморозило... Вы не думайте, тут работы хватает — и физической и всякой... Одна распринковала рассады чего стоит, знаете!

Мы распринковали. Она медленно повернулась и пошла в столовую обедать.

Пухов, лубяк бы старик Козьма Прутков, ске-завания: «если хочешь быть счастливым... будь им». Удительно простой рецепт! Откуда только берется неудачник!

ОЩУЩЕНИЕ ПОЛЕТА

Земля уклонилась от солнца,
По тугаре посмеяла звенит.
И вот из болящих окоевцев
Ударная птица в зенит.

Безумно, безудержно, слепо,
Сквозь тучи вываляет до звезд...
И сморган оскоя вослед им
Пустыми газлайнами плещд.

Да здравствует правильность линий,
Ведущих от тугары на юг!
И в небо врезается клавиша
И делится в солнечный круг.

И волды гудят в овалое,
Снега над землей кидат.
Но грузно в осемном тумане
Тяжелые крылья скрипят.

...Я вскинула газа к надобелью,
Лечу вперед вожака
И вижу и грады и вост,
Озера белой молоча.



И вижу, как женщины ваши,
По ауту шагнута вугада,
Косылками пестрым манут
И на небо долбо глядят.

Лети, перелетое валеми,
Подлетевшая падай к ногам...
Я слышу:

В осеннюю темель
Геолог идет по снегам.

Я вижу:
Над степью идеальной
Кружит паровозный дымок...

Да здравствует
Правильность линий,
Ведущих на юг и восток.
На север, где смутит боюла,
На запад, где морось идет!

И жизнь в ощущение полета
За солнцем, бегущим вперед!



Ю Р Т А

Юрта хрипло по ночам вздыхала
Пересохшим кожным втуром.
Брозовая рука аскакала
Важно замрпран над ковром.

Черный чай дымился, оставая,
До сих пор к нему я не привык...
Пихау пустую привыная,
На меня поглядывала старик.

Вот он,
В бурке с полинявшим верхом,
Брови к переносце сошлался...
Весь-то он как будто старый беркут,
Все изведавший — и глуб и высь.


А в глазах... ну, словно
В полночь оклиде,
Что-то непонятно уму!
Я, как в перевернутом бинокле,
Виден был, заверное, ему.

Как мираж, мгновением и изменчив,
В отдадене вступила и погас.
И в аспраду становилась мезелью,
Сам себя не узнавал подчас!

Становилась суетным и юрким,
Словно кто-нибудь другой, не я,
Онаевый ветрами Усть-Урта,
До заката не слезал с коня.

И, вздыхая яростно и часто,
Жадности не прача, не тая,
Пыл я чай из древних черных чашек,
Губы обжигал — их хвра.

И не мог я с юртой расстаться,
Засыная, вскрикнув во сне...
Надо мной орал с глазами старца
Медленно кружила в вышине.



ЮНЫЕ ВСЕХ ВРЕМЕН
МЕЧАЛИ О МОРЕ, ТЕПЕРЬ ОНИ МЕЧАЮТ О КОСМОСЕ.
НО ПОЧЕТНОЕ МЕСТО В СЕРДЦАХ МОЛОДЫХ
РОМАНТИКОВ ЗАНИМАЕТ ПО-ПРЕЖНЕМУ И ЦЕЛИНА. ВОТ ПОЧЕМУ
КАЖДОЙ ВЕСНОЙ ВО ВСЕХ ГОРОДАХ СТРАНЫ
ГОТОВЯТСЯ РЮКЗАКИ И ЧЕМОДАНЫ, БУРЛЯТ СТУДЕНЧЕСКИЕ
АУДИТОРИИ И ГОЛОС ДОРОГИ ВСЕ НАСТОЯЧИВНЕЕ ЗВУЧИТ В УШАХ.
И ВЫРАСТАЮТ В ЦЕЛИННЫХ СОВХОЗАХ ПАЛАТОЧНЫЕ УЛИЦЫ
И ГОРОДКИ, И ЗАБРОНЗОВЕШИЕ ПОД СТЕПНЫМ СОЛНЦЕМ
ПАРНИ И ДЕВЧАТА, ОБЪЕДИНИВШИСЬ В СТРОИТЕЛЬНЫЕ
СТУДЕНЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ, МЕНЯЮТ ОБЛИК ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ.
СЕГОДНЯ МЫ РАССКАЗЫВАЕМ
ОБ ОДНОМ ИЗ ТАКИХ ОТРЯДОВ. ОН
РАБОТАЛ В ЗЕРНОСОВХОЗЕ «НОВО-НИКОЛЬСКИЙ», ЦЕЛИННОГО
КРАЯ, И НАЗЫВАЛСЯ «ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ».
ЭТО НАЗВАНИЕ ДАЛИ ОТРЯДУ САМИ СТРОИТЕЛИ —
СТУДЕНТЫ УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ.



Виктор КАРПЕНКО
Фото С. ПЕТРУХИНА

У так, целина. Еще зимой в студенческий отдел Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы стали стекаться заявления. Такого в университете еще не было. Забили тревогу: как быта, если чуть ли не весь университет собрался на целину! Решено было пригласить старожиллов-целинников из других вузов, пусть расскажут, что это такое — целина.

— Трудно! — задорно вскинула голову студентка физико-математического факультета аргентинка Алисия Росси. — А мы не хотим легко. Хотим, как советские парни и девушки. Пишите меня. — И по-ученически подняла руку.

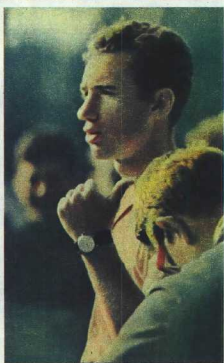
Зал заговорил.
— Моя фамилия — Хофман! — выкрикнул кто-то. — Я тоже из Аргентины.

— Из Перу. Манрики — моя фамилия.

— Я из Болоньи. Антенар Воласко.
— Из Кении. Из Японии. Из Мексики.

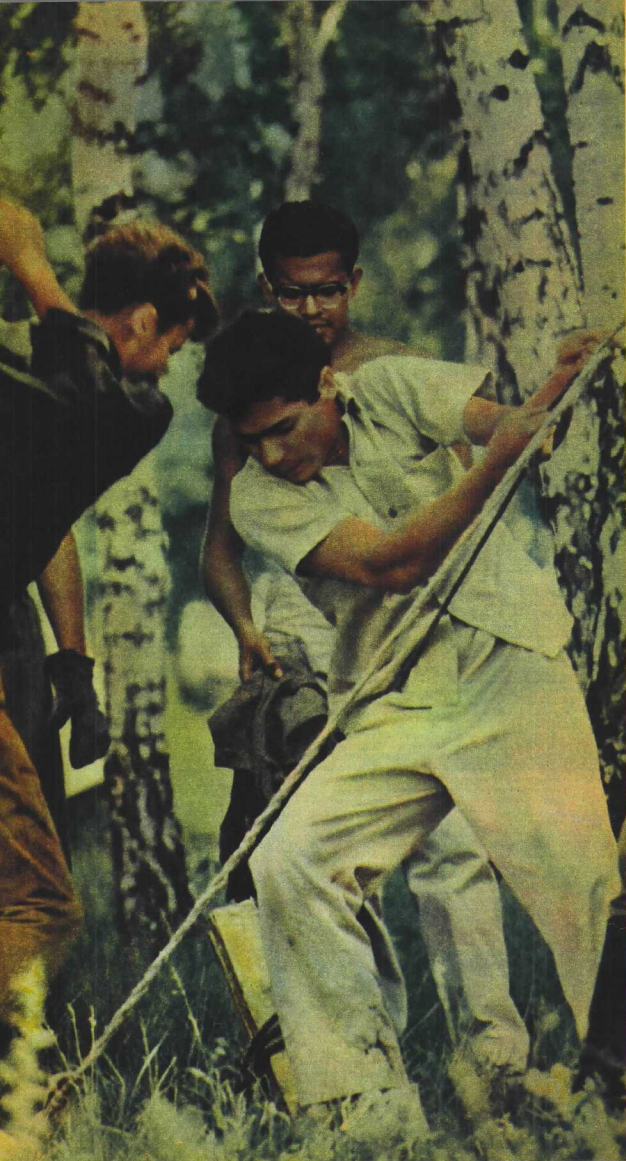
Юность
планеты

Юность планеты



ЦЕЛИННЫЙ совхоз «НОВО-НИКОЛЬСКИЙ» НИКОГДА ЕЩЕ НЕ СЛЫШАЛ СРАЗУ СТОЛЬКО ЯЗЫКОВ ЗЕМЛИ, НИКОГДА ЕЩЕ НЕ ВИДЕЛ СТОЛЬКО РАЗНЫХ ЛИЦ. СЛОВНО ВСЯ ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ СОВРАЛАСЬ ЗДЕСЬ. ВПРОЧЕМ, ЭТО И ЕСТЬ «ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ» — СТРОИТЕЛЬНЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ ОТРЯД УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ.





Так возник целый отряд «Юность планеты». Сьмьдесят самоюшей и девушек из восемнадцати стран мира отстояли свое право собираться в дорогу. Командиром отряда был назначен студент шестого курса энергетического института Виктор Фаворин — ветеран целины.

...Целина открылась ранним июльским утром вскоре после Челябинска. Солнце искрилось в чистом, прозрачном воздухе, все раме пронеслись мимо березки, длиннее становились перегоны, шире и шире раздвигались степи. Казалось, крики — и твой голос утонет в этом бесконечном пространстве.

На станции Албасар пересели в машины. До зерносовхоза «Ново-Никольский» совсем рукой подать — около двухсот километров. Хлеба начались у самых обочин дорог. Легкий ветерок гонял тугие зеленые волны.

— Скажите, неужели это пшеница! — не верил своим глазам мексиканец Хуан Капис.

Кому, как не ему, выросшему в крестьянской бедной семье в далекой мексиканской деревеньке Науауаши, было знать, что это пшеница! Но разве он мог предполагать, что возможны такие поля — без межей! Вспомнил ему отец, всю жизнь не разбавивший слезы, чтобы хоть как-то прокормить двоих детей и жену. Хуан тяжело вздохнул.

...Когда стал совсем невмоготу, люди собрались на площадь. Что делать! Кого просить о защите! На днях латифундист Сирлио Ромеро снова убили человека из деревни. Решено было идти всея к его дворцу. Неожиданно со стороны дворца раздались револьверные выстрелы. Оттуда бежали, размахивая оружием, слуги помещика. Впереди — сам Ромеро. Вдарт он спотыкнулся и упал лицом вниз. Стрельба прекратилась... А на следующий день было арестовано двадцать восемь жителей деревни. Им предавали обвинение в убийстве латифундиста Сирлио Ромеро. Во всей Мексике не отыскалось адвоката, который взялся бы защищать таких обвиняемых: слишком рискованное дело. Тогда Хуан Капис и его брат решили прийти на помощь жертвам произвола. Процесс был выигран, но братья тут же посадили в тюрьму. Хуан спасся лишь потому, что еще раньше получил разрешение выехать в Советский Союз...

Совхоз «Ново-Никольский» расположился на берегу огромного озера. Сегодня он выглядит празднично. Через арку у въезда перекинулся транспарант: «Мы идем вас, молодые энтузиасты!». Мальчишки уже третий раз бегали в поле обнюхивать цветы.

— Едут! — заволнл какой-то мальчуган.

Встречающие подались вперед. Машины, урны, аюпали на поляну и замерли между березками. Школьники бросились к приехавшим. Терпко пахнущие полевые цветы — целинные цветы — передавались из рук в руки.

**МЫ ДЕТИ ТЕХ, КТО ВЫСТУПАЛ
НА БЕЛЫЕ ОТРЯДЫ,
КТО ПАРОВОЗЫ ОСТАВЛЯЛ,
ИДЯ НА БАРИКАДЫ.**

Из революционной песни.

И вот настал этот последний день. Накануне бессонная ночь: сборы, страдания. Запах винегрета и пережарено уюга... На каждом стуле по двое: пришли ребята из института. Потом шумной ватагой поход к вокзалу. Все возбужденны и горласты, как паркурники, и даже Брат Володя сдержанно пошмыгав, прислушиваясь к веселой перепалке инстинктивных остряков. А мать, идя с Тоней под руку, кажется, на слухана ичю, растерянная и слабая, какой всегда бывала на трудных рубежах жизни.

В минуту прощания не выдержала, беззастенчиво заплакала, зашептала:
— Как же ты будешь одна, доченька? Ведь его же нет. Нет его там!
Волodyа покусывая лопатку папиросы, смотрел в сторону и молчал. Только, целуя сестру, прежде чем посадить в вагон, показал глазами на мать и сказал неуверенно:

— Еще не поздно...
Тоня порхистко обняла его, захлохотавшись от внезапного душевного смелания, и вскопчила в тамбуры. Теперь все позади. Ступенька вагона была границей, а тамбуры — той территорией, на которой действовали законы взрослого дня.
Когда скрипнули колеса и перрон медленно сдвинулся вправо, Тоня улыбнулась и сказала устремившись за вагоном матери:

— Ну вот, мамочка, снова пошел наш паровоз...
И сквозь грусть свою мать улыбнулась ей в ответ давнишней, словно возвращенной из отставного Тониного детства улыбкой.

Могад, набирая скорость, вырвался из простора Подмосковья.
...Куда она едет? Куда-то на Север, к Полярному кругу, туда, где кончается тайга. На станцию с трудными, непривычными названиями. На землю дальною и суровую, которую она, Тоня Макаева, должна покорить. Не ту самую, где отец...
...Его арестовали за год до войны. Он был стрелком — возводил заводы и дома, на мосты выезжал от семьи. Письма его мать читала ребятам вслух, а потом все вместе из карты, висевшей над отцовским столом, подчеркивали новые города: Харьков, Кемерово, Днепростроитель, Челябинск...

Об этих городах сообщал черный диск репродуктора, рассказывали в школе на пионерских собраниях. И слова «стройки пятилетки» для Тони и Володы имели самую конкретную выражение —

отцовский человач с прожорвавшими на дождях землями, которые закрывали всей семьей, вонзаясь света, напущанный пальцем в дырочку почтового ящика конверт — от пяти писем, и, наконец, он сам, отец — веселый, загорелый, с погубившим лицом и, конечно, с платяными крючочками и мауза на костюме, но тем самым, что накануне отъезда носился в чистку.

Он умел жить горно, что душает, в чем убежден, особенно протест. Он доказывал: «Если нужно для дела — стай побороться». В памяти Тоня облик отца так и остался озвученным этим задорным «стай побороться» с заметно выступающими кон: отец родился на Волге. Он был крупным и мускулистым, мать звала его в шутку «бурлаком», и Тоня казалось, что на работе он в самом деле борется с кем-то, как атлет в цирке, задищая свое «дело».

Тоня помнила, как по утрам к ней под одеяло забирался колючая струйка холода. Это отец распахнул окна настежь, даже зимой, и делал зарядку — набирал силы для своей борьбы. А потом фырчал в ванной под ледяной водой и пел:
Наш паровоз, вперед летит.
В коммуне остаемся...

Он любил петь зовущие, боевые, а «Паровоз» — особенно. Может быть, потому, что это слово и инстинктивно привлекало, и уходил шелесты на фронт, и уходил шелесты из этой пещеры.

У отца было радкое и красивое имя — Артем. И даже в самые злые его по мнимо, даже дети. Это слово и инстинктивно привлекало, и уходил шелесты на фронт, и уходил шелесты из этой пещеры.
«Каждое лето в отпуск «коммуна» уезжала на «простор», как говорил отец... к Волге или Оке. Отец захватывал с собой молльберт и краски. Рисовал он почти как настоящий художник, особенно пейзажи. Но пейзажи у Артема были необычные.

Кажется, все готово — вешай на стенку и любуйся. Но отец и не шелохнется на своем раскладном стульчике. Склонил голову, уставившись задумчиво прищипываясь взглядом в полотно, потом выводит на палитру из тубиков разноцветные «человачки» и снова берется за кисть.

И вот на берегах рек или за косматыми кремлями лесов вдруг начинают появляться дома, сверкающие белозной стеной, легкие, прозрачные купола стеклянных криш, странненькие арки мостов и чуть различимая паутинка радиовещки. Возникали города, необычные, заворающие, солнечные — отцовская мечта. «Вот в таких городах мы с вами будем жить лет через двадцать», — говорил отец. И продавал: «А ну-ка, пофантазируем, кому что в городах построят». Каждый свое. Тоня — цирк. Володя — станция для дриджаблей дриджаблей его увлечением. Мать — зимние сады под стеклом... Отец смеялся: «Я вам приглаголю еще не такие сюрпризы, ахнете! Дижкушские тротуары... Кино на облаках... Фонтаны, пахучие цветками... Идет?» И весело подмигивал.

Тек они жили и так мечтали давним-давно, когда Артем был с ними. Тисчыл тек назад.
Потом все рухнуло. Недавнее прошлое казалось придуманным, как города на отцовских картинках. Французские фашисты, белый офицер с нагайкой, кулак с образом, самурай с кинжалом. И вдруг... отец! Это было чудовищно. А мир вокруг сурово томчал. И только мать повторяла: «Это обидно! Это обидно! Это прости, обидно, как обидно!» Тоня в дикантах, и обиду обязательно испрывает. Надо только подождать.

Мать не могла ни научить, как жить дальше. Она всегда была при отце — зариломо его чувства и поступков, горела отразненным пламенем его бурной жизни.

Во второй год войны пришло письмо, брошенное кем-то в Москве. Коротельное.

«Я теперь далеко на Севере, у Полярного круга, там, где кончается тайга и начинается тундра. Мы строим железную дорогу. Знаешь, она поможет разбить фашистов. Обидно, что я не на фронте. Не воюю, а только уютно тачу. Но не время сейчас знакомить и жаловаться. Случилось досадное недоразумение. Я и сейчас остался таким же мускулистом, какими был всегда. После войны во всем разберутся. Я верю. Тамка теперь — мое оружие. Ведь эта дорога не простая. Она жизнь и тепло несет в эти невеселые края. Пройдет не так уж много лет, как появятся здесь новые города, необыкновенные, как на наших картинках. И все-то в них будет: и цирки, и дриджабли, и зимние сады... Останки мы придем с вами сюда по дороге, которую я строю, чтоб подглядеть, как здесь все здорово изменилось. И вдруг возьмем да и останем тут навсегда. А пока не вешайте носы, коммунарки! Берегите маму. И помните, наш паровоз не спустил пары... Он летит вперед, и остановка будет у него только на станции нашей Мечты. Самое главное — скорей разгромить фашистов...»

В тяжелое военное время как сразу легче стало жить с этим письмом! Но больше писем не приходило.

Прошел год. Построили дорогу, свершили главное — разгромили фашистов. А Артем так и не вернулся. Постарела мать, взрослыми стали Тоня и Володя. Тоня шлоя в педагогический. Володя уже занимался в пионерском. Мечтал в авиационный — не пришла... Машину рукой: «Мы отверженные». Едва браться начал, а уже почувствовал себя не по годам взрослым, зареяне на все будущее определил свое отношение к миру: «За нас отец отгорел! А нам надо быть трезвыми, жить своим умом, без эмоций». Мать соглашалась: «Лишь бы с вами все было в порядке...»

А письмо Артема лежало в столе вместе с красками, вместе с его последним пейзажем, на котором он так и не успел достроить свой новый город... Реликвии иных времен, дорогие, но забытые жизнью, как музейные экспонаты.

Но это только так казалось — забытые... Не было Артема, но мир его существовал. Были люди, которые так и не успели достроить свой новый город... И кто-то вместо Артема думал о Тоне и помогал ей найти свою судьбу. И был все характер, доставший по наследству. Такая же, как Артем, порывистая, загорелая, неутомимая в исполнении задуманного. И никак злая несправедливому не могла «отрезать» этот характер, потому что он был частью одного большого целого, в котором, несмотря на невзгоды, шел неутомимый процесс наполнения великой энергии.

Отказали в приеме в комсомол — до самых «верхов» дошла. Приняли. В институте ее выбрали в разные комитеты. Тоня всегда была знатна, окружена людьми, често парвляла в «стройки». Потому что было полно удач и неприятностей, временами и горьких обид. «На востривали? За границу? Нет! Ведь ее отец...»

Володя горко констатировал: «Я же говорил... Неужели тебе никому не научила судьба отцу? Лучше бы берегла силы для аспирантуры... «Бережь силы!»... «Трезво мыслить!»... Все одно и то же!

Она досадила морщилась.
«Эти люди, вешные ты так положи на отца, ты такой сильный!» — рассуждала, как классная дама...
...Когда произошли в стране великие перемены,

ИНСИДЕНТ

когда пришла весть о реабилитации отца, Артем снова встал рядом во весь рост, такой же изможденный, только больше других изумленный жизнью, славный как Артем. И судьба его учила не трезвиться... Нет, несмотря ни на что, «наш паровоз не спустит пары».

В конце концов институт, Тоня увидела всхли: ей предлагали аспирантуру, а она попросилась на Север. Она была слабой здоровьем, часто болела. И в двадцать два казалась наследственным подростком. Глядя на ее бледное лицо, хрупкую фигуру, тонкие руки, милое сосредоточенное чело, прошедшее табу, и удивлялась: «Кто почему туда, за Полярный круг?»

Она никому не объясняла, почему именно «туда». Причину знали дома. Мать притихла, ошарашенная новостью. Володя сказал: «Это тупо, Донжикостово. Дешевое мучничество. Что ты хочешь этим доказать? Тоня ожидала возражений. Но теперь они ничего уже не значили. «Послушай, Володя» — отвечала она спойонно, — я еду не доказывать. Все уже доказано. И не на мучничество. Просто хочу работать там, где работал отец. Туда еду многое. Еду и я».

...Было нехорошо отправляться в такие дали, оставлять мать. Та призналась: «Настоящее без тебя, а значит, опять без Артема». Сказала это при Володе. Тот читал газету и, услышав эти слова, опустил голову и долго сидел так: «Может, ты когда-нибудь поймаешь меня», — тихо сказала Тоня, садясь рядом с братом. У него дрогнули губы, и он ответил: «Ее знаю... Может быть?»

Когда поезд отошел от московского перрона, проводница сочувственно спрыскала:

— На работу, небось, едешь?
Тоня кинула. Подлетая в тамбуре, проводница неторопливо говорила:

— Гиблая местность. Снег летом падает — никто не удивится. Отравиться в реис и скорее обратно... То ли было на южном направлении, на курортном! На каждой станции базары, винограды, фрукты...

...На второй день тут началось таёга и уже не кончалась до самой Тонинской станции. Неужко, однообразно уныла даже сейчас, лето, северная тайга, бедная деревню, — ешь да низкорослая береза. Хлеб бурелома, жареные луки трясина. Безлюдье. Част, три едешь — ни деревушка, ни тропки и полотно. Тоня сидела у окна, словно заворончаная, и прислуива ж, широко раскрытыми глазами смотрела на этот дикий край.

...Однужды мы приехали сюда по дороге, которую я строила... На той насыпи он работал... Высокая... Сколько там пришлось перекачать... Еду, наверно, была знакома каждая береза и полотно... Тоня подила всплывающее лицо и резко сказала: «Или слезы утомленного». Из этого рывка пил потрескавшимся от жары ротом, совсем больно...

Проводница, разосла чато, оклинула Тоню: — Видишь, какой здесь курорт? — И засмеялась, поджав губы. — И все едут и едут... Удивляешься только! А ведь здесь раньше знаешь кто работало?... Тоня подила всплывающее лицо и резко сказала:

— Мне чужо не надо! Не хочу! Слышите? — И отвернулась к окну.

...«На свою станцию она приехала вечером. Ее встречали. Школу еще не достроили, и Тоню попросили временно в домике путевого обходчика. Козьяк вкусно изжарил ее, постелила чистую постель... Радовалась: «У нас каждый новый человек к делу!»

Кровать стояла у окна. Было около полночи, а день так и не угодил. Тоня долго сидела, облокотившись на подоконник, смотрела на насыпь, на редкий березовый лес. Он толпился у самой насыпи — кривой, колючеюй, и казался, в своей белой исподней одежде промерз до костей под ледяным полярным небом. Иногда по дороге проходили тяжелые поезда с углем, стремительные, неукротимые, грохочущие, разваива по сторонам тугой плащ ветра, и Тоня чудилось, будто березы у насыпи гнутся и вздрагивают от сильного грохота.

...«И! вдруг возьмем да и останемся здесь навсегда».

Здравствуй, Артем! Я приехала к тебе. Навсегда! Приехала по дороге, которую ты строил. А тебя нет...

Потом Тоня заснула. Всю ночь мимо шли тяжелые поезда с углем, рельсы гудели, скрежетали и тревогой полили беспокойные Тонинские ст...

...Встава поздно. Что делать? Чем заняться? Открыла чемодан. Сверху лежали платя, пахнущие свежестью, хрустящие от крахмала. Навзвину темные отгни под глазами. Тоня толкла помочу, но та упрямилась: «Я сама».

Тоня знала, что мать в душе гордится ее решением, но сказать об этом не решалась, чтобы не испытывать судьбу. Только вздыхала: «А вот его тогда собрать не успела. Лишь пальто вынул...» Под пальтвми лежал портрет отца. Его сфотографировали на одной из строек. Кепка на затылке, из-под кзырочка торчит русый чуб. Видно, отец случайно поймал взглядом таинно прищипывающего фотографа и неохотно удивилась — задорно, широко, каждой морщинкой. Только сдвинутые брови еще хранят недавнее средоточие мысли.

Тоня отпустила крышку чемодана: разбирать вещи не хотелось. Ей сказали, что неделю она может отдыхать и устриваться. Как она будет жить здесь это не деловат! А потом месяцы, год?! Рядом с этой дорогой. Рядом с Артемом... и без него...

...Вышли на улицу. Недавно были дожди. От леса пахло болотной гнилью. Тропка, пробитая в грязи слепками, вела туда, где строился поселок. Тонике кабулила ее городских туфель продавщица, невтервост шле. Ша, на глядя по сторонам. Не заметила, как оутлилась в поселке. Вокруг светились люди, деляли что-то...

— Девушка! — Чай-то голос неистовично пытался войти в ее сознание — Да достой же!
Она оглянулась. На дороге у сложенных досок сидели на коротках два человека и курили.

— Что же ты, дуруха, по грязно-то шлепаше? Да еще в таких туфель! Для кого мы тротуар строим?

Будь различной, размазанной колесами дороги, вид застывший, никогда не высыхающий лужами, над взбухшей, как тесто, грязью тмянулы просторный помост, ослепительно сверкая под вышедшим из-за тум солнцем желтливой свежеразделанной доревы. Тоня шагнула на него, радостно ощутив под ногами привычную городскую твердость. Кабулки звонко застучали по доскам еще нехоженого тротуара бывшего города. Что-то

заставило ее оглянуться. Те двое, с молотками, смотрели ей вслед и смеялись.

От досок остро пахло смолой, и этот запах, смешанный с запахом извести, свежеразделанной земли, мокрой глины, ядру показався знакомым. Именно так пахла стройка, на которую много лет назад привозило семью Артем, чтобы показать свою работу.

Они смотрели на Тоню нетерпеливыми глазами, ожидая, пока она кинует «обуюую зону».

— Эря вы, ребята, на релках. Вездь поведь можно пойти... — сказала Тоня... — Слысается-же оно мне!

— Кончай! Человек идет!

Они смотрели на Тоню нетерпеливыми глазами, ожидая, пока она кинует «обуюую зону».

— Эря вы, ребята, на релках. Вездь поведь можно пойти... — сказала Тоня... — Слысается-же оно мне!

Повед, мы увидим... невозмутно отвели старший и, пригнувшись по-взрослому, понтиресовался: — А вы кто?

— Я учительница. В вашей школе буду работать.

Они смотрели ее с явным недоверием — маленькая, хрупкая, сама, как мальчишка. Помолчала, сооржая, как поступить дальше.

— А отсюда горы видно... неопределенно завви старший — Уральские...

Когда она забиралась к ним по сыпучему склону, они протянули ей руки, чтобы помочь.

С насыпи было видна тайга. Зеленым океаном начиналась она сразу же за последними домами строящегося поселка. Тоню деляно на востоке крутыми берегами вставал перед тайгой гигантский горный хребт, заснеженный до подножия, ослепительный под солнцем, похожий на айберг среди темных волн.

— Хорошо отсюда смотреть? Правда?

— Правда, — согласилась Тоня... — Далеко видно...

— А мне отец говорил, что здесь, на Севере, в горах никто не живет...

— Наверное... Но я думаю, люди придут и туда. И там тоже будут строить города, как и здесь...

Старший мечтательно прозисек:

— Вот бы туда дойти...

Тоня улыбнулась.

— Дойдем! А может быть, и дальше...

Они сошли с насыпи, чтобы пропустить приближающийся поезд. Он промчался мимо них стальной лавиной, грохочущий, стремительный, неукротимый, разваива по сторонам тугой плащ ветра. И ребята восхищенно смотрели ему вслед.

Ита. Новый город среди тайги. Широкие мостовые в крепком лапидере асфальта, дома с зеркальными витринами магазинов, Светофор на перекрестке. На заборах рекламны фильмов.

— Лица Полярная. Третий этаж большого дома. Я накануне киноку звонка. В Инте я оказался по делам, а к этой двери меня привело желание познакомиться с человеком, о котором мне рассказывала мой знакомый московский инженер Владимир Макеев. Дверь открыл мальчик лет шести.

— Папа на работе... сообщил он — А мама скоро придет. Провожает ребят.

— Каким ребят?

— Разных. В Крым, в пионерский лагерь. Заходите.

— А как тебя зовут?

— Артем...

На стене висела картина. Недавний пейзаж, с рекой, лужами, лесом, и вписанная в него неровная полоса белокаменного города. К раме был приколот портрет улыбающегося человека в кепке.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПОЭТОМ

Геннадий ЩУРОВ

(Москва)

От Тайшета до Абакана

— Сколько километров
От Тайшета до Абакана!
Еле продираемся бульдозером.
Над его разгоряченными боками
Пар течет
Меж красивых сосен
В озере.
— Сколько километров
От Тайшета до Абакана!
Кринки пролетают соколу.
Ты у ветра распрости,
Что облаками
Правит над занесенными сопками.
— Сколько километров
От Тайшета

до Абакана!
Сосчитай распадки,
Речи всплесканные,
Каждый кодр.
И пеня,
И каждый встречный камень,
Все слои —
И будет цифра точная.
— Сколько километров
От Тайшета

до Абакана!
Гусеница рвется,
Брызнув трамкам.
И,
Как мамонт с занесенными клыками,
Останавливается
Наш трактор.
— Сколько километров
От Тайшета

до Абакана!
А расчеты мы ведь не окончили!
Слышишь:
И будет цифра точная.
Двигутся по первым рельсам краны.
Слышишь:
Поезда идут с рабочими!
— Сколько километров
От Тайшета

до Абакана!
Ну-ка раздели, что было сложено,
На сердце, на руки,
Заваня,
закалку —
Все это,
на молодость
помноженное!

Валентина ЛЕВЧЕНКО

(Калуга)

О счастье

Были рельсы.
Встречи.
Пожатья.
И прощальный крик за спиной.
Впрочем, я не гналась
за счастьем —

Счастье всюду было со мной.
Это, может, ветка каштана,
И далекие огоньки,
И Есенин на дне чюдодана,
Переписанный от руки.
И хотя лететь, как бывало,
Я на партах дороги сижу,
Я не еду,
Мне этого мало.
Я теперь работы хочу,
Чтобы радовала и мучила,
Чтоб легла под глазами тень.
И не просто от случая к случаю,
А, как хлеба, —
Чтоб каждый день.

Усталый путеец
Простука стальные суставы.
И, дрогнув огнями,
Кидаются в темь составы.
В далекой степи,
Где еще не построены клубы,
Где каждая трещина —
Как перешошие губы.
В далекой степи,
За черной электрической ночью
Еще не закатает,
Еще не закатает
Рабочих.

Вильгельм ШТЕЙН
(Москва)

Дебаркадер

Он влопне прозаичен
ли, прямо признаться,
нескошен.
И металла-то в нем —
разве гвозди
да пещки трубы.
На сомадаос судно,
конечно,
никак не похож он,
а скорей просто так —
убеждавшая с узки ребра.
Ждут на нем парозода колхозники,
сидя на ведрах,
на мешках с огурдами.
Скордупками в воду плывет
и влопуза вымалют,
как шкипер затеялво врет им
про моря и порд-осты,
смакуя «фориттевень» и «ют»,
Пшкпер не был в морях,
но живет, как поют, влоповеньем,
из днерповской воды
извлекая
балтискую соль.
Молодайки хлзкляют,
прача кругые колени,
и рывает лешски
на утаую палубу
вод.
Прогудеа парозод.
Добежала волна из-под паниры.
Он качнулся покорно —
пожогинный берега раб.
—Пусть тебе,
дебаркадер,
хоть ветреной почью присвистит,
что ты в рейсе далеком,
что ты —
осевский корабля.

Геннадий ГРИНЕВИЧ
(Чухотка)

Тундра

Мне кажется, что тундра не кончается.
Она как море, только не качается.
Она как море, море в литль.
На сотни верст такая ширь.
Откуда же тогда такая грусть,
Безжалостно сжимающая грудь!

И лишь одно желание — смотреть,
Смотреть,
Смотреть, как вдаль туман разлоснится,
Смотреть до боли в переносице

И знать, что тундра не кончается.
Она как море, только не качается.

Мне что-то забывает Пушкина,
А я вот больше не могу...

К нему я еду вместе с Путиным.
Вот старый дом,
Вот сад запущенный,

Сяду у дома на снегу.
Мне к дому ближе.

С нами вечер.
В окне так слабо светит свечки.
И чье-то смутное лицо.
Сейчас он выбежит навстречу,

Босой.
В халате,
На крыльцо.

Вячеслав СИТНИКОВ

(Московская область)

Мальчишка

Уходит весенний ливень,
И мурит глаза мальчишка
От солнца, от неба радужного,
Распластанного у ног.
Конечно же, это здорово —
Вот так вот пройтись по радуге
И пышный кусок от облака,
Как мильную пену, потрогать.
И как приятно мальчишке
Босому пройтись по небу,
Под легкой чужаевой чужаеу
Весенней земли тепло.
Идет мальчуган, и кажется,
Что небо ему подвластно,
Что он, пыланком, слушает
Радостный
Путь земли!

Девятый вал медведем белым равняют,
Принял ледовый на кусок кроша.
А стынъ такая, словно в силках радом
Седой зимы запрятана душа.
На наши пушки изморозь ложится,
Сечет по паццам злой летели пламя,
И набухают от работы нивы
Морским, проселенным уздам.
Мы на стволы наводим ярый глянц.
А от последних островов вдаль
Бона за горизонтом, округляет
Иное популярное земли.

У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ «РОВЕСНИК»



«РОВЕСНИК» О РОВЕСНИКАХ

Кто они, наши зарубежные ровесники? Им 16, 20, 25 лет. Они молоды и полны сил. Они говорят на разных языках, по-разному мыслят, в разных условиях живут. Но чем бы они ни занимались, каков бы политический и религиозный взгляд ни придерживались, у них всегда найдутся общие интересы и проблемы, им всегда есть о чем поспорить, поговорить. У наших ровесников есть одно общее — молодость. А сегодняшняя молодость — это будущее мира. Оно и является главным горем журнала «Ровесник» — ежемесячного иллюстрированного общественно-политического и литературно-художественного издания Центрального Комитета ВЛКСМ и Комитета молодежных организаций СССР.

Родившись два года назад, «Ровесник» с первого же номера старается найти тропинку, ведущую к сердцу читателя. Наши авторы — в основном прогрессивные зарубежные публицисты, писатели, художники, поэты — пишут о героях международного молодежного движения, присылают рассказы, очерки, фельетоны, памфлеты, стихи, репортажи, спортивные материалы — одним словом, все, что может интересовать молодого человека. Читая журнал, советские школьники, студенты, молодые рабочие и колхозники узнают, как борется демократическая молодежь за свободу и независимость, против империализма, за мир, демократию и социализм. В Советский Союз привлекают тысячи иностранных туристов — видных общественных и политических деятелей, ученых, писателей, художников. Многих из них мы приглашаем в редакцию «Ровесника», где они делятся своими впечатлениями о поездках по нашей Родине. Эти своеобразные интервью — беседы за чашкой кофе — мы печатаем затем на страницах журнала. Под рубриками «В гостях у «Ровесника» и Интервью «Ровесника» рассказывалось о встречах с известным французским общественным деятелем Жан-Полем Сартром, с английским писателем и публицистом Джеймсом Олдриджем, с австралийским писателем Фрэнком Харди, с молодежными делегатами из многих стран мира.

Используя многолетний опыт лихой пропаганды, обмена людей, буржуазная печать упорно твердит, что Советский Союз — отсталая страна, которую населяют «роботы», а не люди. Церковь, радио, телевидение, пресса, школа делают все возможное, чтобы замолчать успехи социалистических стран, опозорить великое дело строительства коммунизма. Поэтому не удивительно, что многие иностранные гости, приезжая в СССР впервые, сначала робко приглядываются ко всему, а потом, получив званые карты советских людей, смеются над своими страхами и нелепыми представлениями о Стране Советов.

Мне хочется сослаться на письмо, которое получила редакция «Ровесника» от Жана Тити из Конго (Леопольдвил): «Многие из вас, видимо, удивятся, если я скажу, что, направляясь в Советский Союз, я ожидал столкнуться с «мечеловеческими» условиями жизни и на себе ощутить оплохотение отсутствия элементарных прав и свобод. Столь чудовищно извращенное представление об СССР сложилось у меня под влиянием прессы и радио, находящихся в послушном подчинении у всякого рода иностранных колонизаторов.

Но вот я в Москве! С первых же дней спешу как можно полнее ознакомиться с жизнью страны, с ее предприятиями, учреждениями, больницами, вузами, школами. Я знакомлюсь с прошлым страны, видел ее настоящее и заглянул в ее будущее — оно прекрасное. Самый верный показатель положения страны — это люди, а на лицах людей, встреченных мною в СССР, я читал выражение спокойствия, счастья и веры, говорившее мне о здоровье нации, о верном пути, по которому идет ваша родина.

Сейчас, накануне открытия Всемирного форума молодежи в Москве, увеличился поток писем от наших советских и зарубежных читателей. Пишут комсомольцы из Франции и Англии, руководители молодежных и студенческих организаций из Западной Африки и Цейлона, из Гвинеи и Марокко, наши друзья из социалистических стран. Все они горячо поддерживают идею созыва Всемирного форума молодежи и считают, что форум окажет неоценимую помощь прежде всего юности новых развивающихся государств и стран, все еще находящихся под ярмом колонизаторов.

Активная творческая связь с читателями помогает нам в работе над очередными номерами журнала. И чем больше друзей появляется у «Ровесника», тем интереснее, содержательнее становятся материалы. Нам бы надеяться, что и вы, читатели «Ровесника», станете нашими друзьями. Сегодня мы хотим познакомить вас с подборкой самых ярких материалов из девятого номера «Ровесника», целиком посвященного предстоящему форуму солидарности.

А. ФЕДОТОВ,
ответственный секретарь журнала
«Ровесник»

Поэзия Африки насыщена до предела грозовой атмосферой пробудившегося континента. В ней звучит, как сказка суданский поэт аль-Файтури, «блеще наших сердец, переболевшем жерстью кровью, и сумасшедшая гробов некрологами татаном, совершающих «блуждания» Африки, поэзия молодая, как молодая сама независимая Африка.



АХМЕД ОМАР аль-АЗХАРИ
(Сомали)

**СЛУШАЙ
ГОЛОС
РОДИНЫ**

Слушай голос
родинной земли
сплыви пелену
клевости и обману.
Травы поют
на земле Сомали,
склаи гудят
на земле Сомали.
Люди,
борьбесь за мир
неустано!

Кровь наша
жарче полдневных лучей.
Наша отага
грозней океана.
Вырвни оружье
из рук палачей!
Выброски в море
обломки мечей!
Люди,
борьбесь за мир
неустано!

Перевел М. КУРГАНЦЕВ



ДЖОЗЕФ АКЕМ ФОНДЕМ
(Камерун)

СЫНУ

Памяти Феликса Му-
мпа — борца за свободу
Камеруна, погибшего от
руки наемного убийцы.

Человек совершает подвиг:
К нашим знаниям зыбкие прибавки,
Во имя людей
Что-нибудь совершил первым.
Детей
Счастливых на счастье,
Которых к их честь
Называют Герман,
Павел...
Есть
И такое имя, Феликс, мой сын,
Среди этих имен.
Только ты
Никогда не увидишься с тезкой:
Не могила его — цветы,
Как рассыл
Африканского неба ночного.
У иного —
Ни могилы,
Ни цветов.
Не увидятся с тезкой
Маленькие Патрисы.
Не печалься, мой сын, приободись —
Двух убийц,
Но сто родимис!

Перевел Анатолий КОШЕНДА

ДЕННИС ОСАДЕБЕЯ
(Нигерия)

БУДЬ ГОРД И СМЕЛ!

Зачем, кляня свой рок злосчастный,
Ты опустился в грязь без сил?
Судьбу ругаешь ты напрасно:
Ведь это страх тебя спомил.
Куда прекрасней встать, и драться,
И ласть из линии огня,
Чем под ярмом нужды сгибаться
И в страхе жить, судьбу кляня.
Вставай, в свои поверни силы,
И сбрось повиновение гагет.
Прочь, робость! Труса ждет могила.
Будь горд и смел. Иди вперед.
Будь духом тверд и делу предан,
Не покорайся, не молчи.
Пусть на замке врата победы,
Твоя борьба — к нам ключик.

Перевел Г. БЕН

ЛУМАНА ТРАОРЕ
(Мали)

ИЩУ СВОЙ ПУТЬ

Я сумарками окружен,
Простерты руки ввысь.
Я у скрещения дорог,
Неслых и безбрежных,
и затуманены глаза,
и тщетно бьется мысль,
и все-таки в моей груди
еще живет надежда.

Редеют сумерки, и вот
скавоз сероватый дым
перед собой в рассветной мгле
я вижу две дороги.

Которая из них должна
стать будущим моим!
Я перед выбором стою
в смелости и тревоге.

Передо мною гладкий путь —
святыни насажд,
и музыка, и тень листьев,
и мармовая вичность,
и необузданных цветов
пьянящий аромат,
и наслаждение, и покой,
и роскоши, и беспечность.

Дорога манит и зовет;
по ней навстречу мне
спешит довольный человек
с любовным приглашением.
Но за любовьность должен я
платить ему тройное
уменьем жертвовать собой,
хвалой и подчиненьем.

Другая, скромная тропа
мне ближе и родней.
Вся в рытвинах, она ведет
в грядущее утро.
Неутомимый человек
работает на ней,
чтоб не осталось ни одной
колдобины и ямы.

Смотрю: он спину разогнул,
и увидел меня,
и друга разглядел во мне,
счастливого человека.
«За дело, брат! Мы дойдем
до радостного дня.
Пролягнем вместе этот путь,
наш собственный навагон.
И сердце всталину во мне,
и заплыла грудь,
и в памяти моей горят
два слова: «брат» и «вместе».
Я отвергаю навсегда
подвижный легкий путь.
Я выбираю трудную тропу
достоинства и чести».

В путь, африканцы всех племен,
родов, сословий, рас!
Отбросили рабские мечты —
фальшивое богатство.
Построили родную свою!
Придет счастливей час,
когда мы вместе соберем
плоды труда и братства.

Перевел М. КУРГАНЦЕВ

Американские и южноамериканские органы разведки в Сайгоне долго ломали себе голову над странными доносительными сводками агентов: «Среди партизан в дельте Меконга появился белый. Если правительственные войска атакуют отряд, в котором замечен белый, партизаны, не принимая боя, исчезают в джунглях».

Кто же этот таинственный человек? Теперь о 52-летнем австралийском журналисте Уилфред Бэрчетте рассказывают все мировая пресса. Пять месяцев он прожил среди вьетнамских партизан, преодолел пешком, а лодке и на велосипеде путь в 6 500 километров, видел в джунглях оружейные заводы партизан, где они, используя американские трофейные станки, делают ричные гранаты, пулеметные и ружейные патроны, разрабатывал с руководством Фронта национального освобождения. Своими же печатом отрывки из репортажей У. Бэрчетта о героической борьбе южноамериканского народа.

Уилфред БЭРЧЕТТ

ВОЙНА В ДЖУНГЛЯХ



«Красные

Молодой крестьянский па-
рень Хуан Басковилья живет
высоко в Андах, в том са-
мом районе Колумбии, одно
упоминание о котором при-
водит в бешенство помещи-
ков и офицерскую верхуш-
ку. Это Виота. В ту ночь
Хуан был в дозоре...
Крепко прижимая к себе
автомат, лежа на тучках с
травой, он напряженно

вслушивался вдаль, прислу-
шивался к каждому шороху.
Неподалеку лежали его
товарищи Педро, Анхель,
Санчо, Рубен.
...Бандиты появились внезапно
на глубоком овраге.
Их расчет был прост: окру-
жить деревню, мучилин пе-
ребить, вывезти награблен-
ные вещи и продовольст-
вие...



Уилфред Барчетт у партизанского костра.



НОВЫЙ ГОД

Была новогодняя ночь. Год «дракона» пришел на смену году «хищника». Я гулял по маленькому каналу в мерцающих отрадах огней Сайгона. Там мне предстояла встреча с партизанским командиром района.

Равномерно постукивая подвесной моторчик с маркой «Средло» в США, сопровождавшие меня солдаты и проводники напряженно выжидали в темноту. Мы плыли через вражеские расположения, и малейшее отклонение в сторону было очень опасно.

За одним из поворотов дважды выключил огонь. Мы выключили мотор, наш сампак скользнул в тоннель, образованный высокими бамбуковыми зарослями. Еще минута, и «что-то сильные руки помогли мне выбраться на берег. Без единого слова мы динулись по тропе к месту встречи.

Точность информации о передвижении врага и даже о его планах, которой располагали партизаны, меня постоянно изумляла. И вот сейчас... В джунглях на узенькой тропинке не шире 30 сантиметров наш проводник внезапно остановился. Откуда из зарослей явил человек и вручил нам крохотный конвертик. На листке бумаги с винютиной картинкой

На туше сбитого хищника «хозяева леса» — партизаны.

содержался вся необходимая информация. Иногда такие сведения исходят от командования партизанского отряда, контролирующего район, иногда от разведчика, работающего среди врагов. Наш командир, изучив записку, вынул карту размером с ладонь из записной книжки, что-то чертил на ней, вручал проводнику, и тот исчезал. На таких картах отмечалась каждая тропинка, каждый ручей, любое передвижение врага, все его посты. Проводник, проверив путь, возвратился и пошел нас дальше.

Представитель ислонгова района Сайгон Хиун Пат принял меня в одной из хижинок освобожденной деревни. Хиун Пат в мирное время был архитектором, он верит в победу и мечтает снова строить дома. Его меня осудила на позинженное заключение за «подорванную деятельность».

— Враг считает это селение своим, — говорит Хиун Пат, — а на самом деле оно наше. — Он показывает мне карту. — Вот здесь был вражеский опорный пункт. Три месяца мы держали его в окружении, и солдаты жили под страхом ежеминутного налета. В конце концов они не выдержали и ушли. Теперь этот район полностью контролируется нашим отрядом.

Где-то недалеко то и дело взрыва-

лись гранаты, слышались автоматные очереди. Грохот стоял такой, что я с трудом понимал Хиун Пата.

— Это начало боя? спросил я.

Хиун Пат засмеялся:

— Нет, здесь недалеко транзитный лагерь парашютистов «Трунг Хоан». Выйти из джунглей они могут только тогда, когда не утачат боевому мастерству прямо в лагере.

На карте передо мной красным цветом отмечены районы, занятые партизанами, зелеными — параллельными войсками. Желтые просветы между ними обозначают двоякостные: двоякостные — парашютные войска, ночью — особобдительная армия. Новогоднюю ночь я провел в деревне, которая еще недавно была «желтой», а теперь здесь стоял отряд освободительной армии.

ВЗРЫВ В КИНО

На поляне, освещенной лампами, сделанными из фляжонки из-под французских духов и патронных гильз, сидели партизаны. Трое молодых ребят только что вернулись из Сайгона. Три часа назад они взорвали кинотеатр, в котором находились американские детишки. Один из парней, называемый № 3, рассказывал:

— В вестибюле мы застрелили двух полицейских. Я вошел в фойе с дуплетнострельными войсками, ну как. Выбежавшие на выстрел американцы инулись но мне, один схватил меня за горло. Мне удалось запустить спусковой механизм. Увидев это, американцы бросили меня и помчались вверх по лестнице, иначе мы все трое взлетели бы в воздух. Каждый из нас, не задумываясь, отдал жизнь, если сможет уничтожить 3—10 американцев.

ПАРАШЮТИСТЫ

Мы разбили лагерь в 15 километрах от Сайгона, на плантации мушкетеров. Там же находился лагерь врага, когда победивший партизан попросил меня отвести его в деревню, откуда, ведущую в подземный тоннель. Тоннель соединял деревню между собой и позволял партизанам передвигаться незаметно для самолетов.

Через некоторое время на плантации появились отряды парашютистов и три американских «советника». Подобрались и нам метров на сто, открыли набором огня, из пулемета. Наши стреляли редко, но точно. После первых выстрелов «советники» бросились в укрытие, местами приказывая продолжать атаку. Куда там! Парашютисты инулись бежать, привели раненых и даже свои планеты с сумками лайком.

Мои друзья были очень расстроены. Обычно они подпускают врага на 10—15 метров и потом открывают огонь. В этот раз мы отградить метра до снайпных выстрелов, они не дали парашютистам приблизиться и из-за этого не могли захватить оружие. Это очень огорчало их.

Почти все снаряжение партизан трофейное. Я посетил поли, сформированный в 1961 году. Тогда в него вошло 300 бойцов, а теперь в нем 120 доблестных ружьями. Теперь они вооружены американские пулеметы, автоматы, гранаты, вертолеты, сазук и 600 автоматов.

Перевод В. МАТКЕВЮ

ПРАВО И СВОБОДА

Однако, натолкнувшись на засаду, бандиты повернули обратно. Петеро из них были убиты, трое ранены. Не обить нападению бандитов — это только полдела. Необходимо сразу же готовиться встретить правительственные войска, которые под предлогом борьбы с бандитизмом стараются проникнуть в так называемые

«красные районы» страны. Но откуда в капиталистической, полностью зависимой от монополии США Колумбии взлезли «красные районы»?

В Колумбии 33 миллиона гектаров пригодной для обработки земли. 3 миллиона гектаров распаханы, остальные заняты пастбищами.

Лучшие земли заставляли

крупные помещики — латифундисты. Тогда колумбийские крестьяне поднялись в Анды и распахали горные склоны. Но и на эти участки стали закрывать помещики. В андской горах, в борьбе крестьяне отволакивали несколько высокогорных районов страны — Виоту, Сумарван, Арранд. Там же здесь поделены порозну.

Крестьяне собирают неплохие урожаи и без помехи продают продукт хлеб в города. «Красна Виота» и другие свободные районы страны — сельво в глазу колумбийской реакции. Экономитуря постоянно ищут предлог для вооруженного вмешательства в дела Виоты.

С 1958 года в Колумбии у

власти стоит буржуазное правительство, которое претендует на знание конституционного. Однако конституционная навязка не мешает ему вырывать отряды латифундистов в «красные районы». Наведываются туда и бандитские шайки. Вот почему крестьяне постоянно находятся в состоянии боевой готовности.

Однако на лице юноши я не нашел ни малейшей бедности, ни одной морщины лобного госта. В нем заглянуло только ничего не изменилось, он был абсолютно спокоен. Больше того, он во второй раз наклонился к девушке и стал спрашивать:

— Там, значит, вы не с филологического?

— Ни один слово не шевельнулся на ее голове, словно она и не слышала. Будто в месте этого юноши, медленно выключил бы из автобуса. Но что это? Неловкое молчание? Или своей воле раз? Да, вот он снова наклонился и ее лицу и прошептал:

— Так, значит, едете не туда? Девушка осталась неподвижной, только губы ее превратились в улыбку.

— Я понял, что ее твое имя. Хорошо, я ему, если он решится сватать еще одну девушку!

И все-таки он решил. Наклонившись к ней, он быстро прошептал: — Тогда, наверное, вы едете домой?

Я затряс дыхание. Было ясно, что он потерял неловку и на этот раз. Но тут я заметил, как ее голова быстро опустила. Слева мне показались, что она дрогнула случайно, но потом я понял: девушка сделала это движение сознательно — она утвердительно качнула головой.

Тогда, прежде чем она успела одуматься, юноша быстро повернулся и победоносно:

— Да? Ну, не так ли?

— Да! — смущенно улыбуясь, ответил девушка.

Дальнейшие события развивались очень быстро. Юноша опять говорил что-то, говоря уверенными голосом уверенного в себе мущину, настоящих, настоящих которого победил.

Наконец юноша сбросилсь выходить, повисла голова и решительно сказала:

— Там, значит, договорились. А вы не забудьте назвать.

Голова качнулась горизонтально. Ну и какой же?

Он смущенно подышал на него глаза.

— 899592.

Лицо юноши засияло от радости, он едва не упал девушке.

— Bravo! Каким вы умищ!

А когда вы позвонит?

— Момент будет, завтра.

— Нет, сегодня.

— Не сегодня.

— Сегодня.

— Ну, хорошо, сегодня.

Только будучи осторожным, — прошептал он — у моего брата голос что-то поговорила, уверенными голосом уверенного в себе мущину, настоящих, настоящих которого победил.

— Я слышу: говорит Ахмед.

— Вас зовут Ахмед?

— Да, а вас?

Она так тихо прозвонила свое имя, что я едва услышал. Я понял это, когда он сказал:

— Какое у вас красивое имя! — И дерзко добавил: — Как и вы сама! Мой сосед вздрогнул, как удивленный, и втянул голову в плечи, будто слова юноши имели к нему прямое отношение. Однако через мгновение он занял свою привычную позицию, стараясь не пропустить ни одного звука.

Ахмедов был уже почти у самой остановки, однако юноша не торопился, прежде чем направится к выходу из автобуса.

— Если бы не лежачий, я проводил бы. Там, значит, мы договорились!

— Договорились.

— Сегодня?

— Да, вы помните номер?

— Я ни за что не забуду!

— Юноша был в восторге, улыбуясь.

— Bravo! Я буду весь день сидеть у остановки.

По лицу девушки разлился румянец. Юноша спрыгнул с площадки, и она прозвонила взглядом. В этот момент, вспоминая ни девушки, что на следующее утро должна совершить.

Но она потянула брата за руку и стала пробираться к выходу. Не успев пройти фигуру, сбросилась на спинах толпящихся в проходе людей, она встала передо мной, встала передо мной и заговорила громким сердечным голосом, и она была так уверена, как будто обращалась к ним за помощью или приглашала в свидетели.

— Не забудьте назвать! В этом стране вы живите! Нужно поставить в каждом автобусе объявление, пусть смотрят за соблюдением принципов.

Сказав это, она повернулась и пошла бы не мы, он стал бы ее обнимать, а она бы и слова не сказала...

Перевод с арабского А. ПАНКОВОЙ.

Выступая на XV сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, представитель Гвинеи Сангана говорил: исторически неопровержимо, что в XV веке Африка имела такие же шансы на материальное, интеллектуальное и духовное развитие, как и другие континенты. Колониализм обрек наш континент на застой и разруку, обескровил его богатые животворные силы.

Это утверждение верно не только применительно к Африке, но и в отношении многих стран Азии и Латинской Америки. Нищета и невежество — неизменные спутники колониализма. Духовная отсталость десятков стран — его непосредственная вина.

Миллиард неграмотных людей живет сейчас в мире. Целью века национальное искусство таких богатых стран исторически прошлым стран, как Индия, Индонезия, Египет, не могло развиваться в полную силу. Огромное количество жителей трех континентов было лишено возможности пользоваться благами современной науки.

Правительства стран, сбросивших иго колониализма, постоянно сталкиваются с ужасающим наследием прошлого. Проблемы культурного возрождения, подготовки национальных кадров специалистов, без которых невозможно настоящий прогресс, — постоянная забота молодых государств.

Огромную работу по ликвидации неграмотности проводят руководители патриот Южного Вьетнама. В то время, как идут жестокие бои с правительственными войсками и их американскими покровителями, в освобожденных районах провинции Намбо уже действует 1 600 начальных школ, в которых учатся 82 тысячи детей.

Новые школы открываются в Кении и на Цейлоне, в Камбодже и Танганьике. Большой популярностью пользуются на Цейлоне университеты, находящиеся в окрестностях города Канди. В этом университете учатся 4 тысячи студентов. На многих факультетах университета обучение переведено с английского на местные национальные языки. Добрую славу завоевала среди молодых университетов Кайра, Акри, Гаваи и ряда других развивающихся стран.

Культурное возрождение молодых государств — результат социально-экономических преобразований. Поэтому культурное возрождение и развивающихся стран находится сейчас на разных этапах. В то время, когда английский народ изгнал из своей страны английских оккупантов и провал национализацию Суэцкого канала, в стране уже существуют крепкие традиции прогрессивной демократической культуры. Отсюда и более высокий ее уровень в наши дни. Многие же другие народы Африки и Азии, получив независимость, были вынуждены начинать свое национальное культурное строительство с азов: колонизаторы, если они иногда и открывали школы, вели в них обучение не языке материноп.

Сложной является и проблема единого языка. Многие из развивающихся стран населены разными народами. Колонизаторы старались разобщить их, натравливая их друг на друга. В таких условиях, естественно, не могли складываться единые, понятные населению всей страны языки.

Более 80 процентов населения Индонезии относится к семи различным крупным народностям. Есть в стране представители и других языковых групп. После революции 1945 года единым языком страны стал индонезийский. Этот простой и

красивый язык не только имеет очень важное значение в объединении многочисленных народов своей страны, но и открывает пути для развития литературы и науки.

Особовавшиеся народы, создававшие в прошлом великие произведения человеческого гения, получившие сейчас возможность широко и свободно развивать свою национальную культуру. И, как показывает опыт, они в полной мере используют эту возможность. За последние годы во всем мире стали известны имена молодых поэтов Гийа Абдеррахмана и Тадж ас-Сир Хасана из Судана, художников Бубомара Кейта из Мали, Кофи Антуану из Ганы.

Кофи Антуану — представитель интересной и талантливой группы ганских художников. Пусть эти художники учились в Европе или Америке, но творчество их самобытно и глубоко национально.

Застрелщиком культурного возрождения развивающихся стран выступает молодежь. Творческие дискуссии, фестивали, спортивные праздники развивают у молодежи чувство коллективизма и интернационализма, способствуют не только развитию национального единства, но и сближению народов разных стран.

Однако очевидные успехи молодых государств в образовании, науке, искусстве, спорте являются далеко не всем. Неоконченный остается стремиться использовать культурное становление освободившихся народов в своих интересах, пытаться навязать интеллигенции молодых стран свои взгляды, прямо или косвенно подкупить ее.

Об одной из таких попыток рассказал мне председатель одной из писательских организаций Судана молодой критик Абдалла Хамид эль-Амин.

В марте 1963 года в Хартум приехал некто Ричард Риф — представитель организации «Свобода культуры», центр которой находится в Париже. Он предложил суданским писателям (в основном молодежи) создать «Союз суданского искусства и молодежи» по образцу филиалов «Свободы культуры», созданных в некоторых странах Африки. — Что это за суданский писатель? — спросил Ричард Рифа.

— Денгис, — без обиняков ответил тот. — Вы же знаете, это в денгис! Вам предостатит их безвозмездно Фонд Рокфеллера.

Молодые суданские писатели оказались достаточно дальновидными, чтобы понять, что в обмен на подкуп им придется отказать своим взглядам и пропелгандировать идеи американских монополистов. Они выставили американского «благотельца» за дверь.

Самы истинных друзей молодой интеллигенции развивающихся стран видят не в представителях заокеанских и прочих монополистических кругов, а в народах Советского Союза и других социалистических стран, оказывающих большую и бескорыстную помощь в развитии национальной культуры молодых государств.

«Спасибо вам, друзья, за помощь и поддержку в решении вопросов образования нашей молодежи» — пишут в Комитет молодежи организации СССР представители суданских молодых писателей.

И к голому молодому суданца присноудостоит голоса многих представителей развивающихся стран, которые искренне заинтересованы в судьбах своих народов и вносят свой вклад в дело культурного возрождения.

А. АНГЛОВ

1 Гийа — один из районов Кайра.

Юность планеты

Со стр. 5.

— Товарищи... Друзья! — волнуясь, говорит директор совхоза Георгий Иванович Красоткин. — Мы рады вас приветствовать на нашей целинной земле. Пусть будут подпорядочены дни, которые вы проведете у нас. Добро к нам пожаловать...

Времени «на раскочку» не было. Утром следующего дня над платочным городком возникла отрядный голубой флаг. И началась работа.

— Как назовем улицу? — спросила, прищурив глаза, кубышка Мария Раймунда.

Свежие колышки пунжилом, словно на кальке, прорисовали план будущего целинного «проектиста».

— Не рано ли? — засомневался киперник Харис Траск. — Может быть, сначала построить надо!

— Ты правильно сказала, Мария. Не слушай его, — откликнулся Хорхе Альтаме из Эвадорса. — Мы назовем улицу именем нашего отряда — «Юность планеты». А! По-моему, здорово!

А на птичнике уже кипела работа. Туда только что пришла первая машина буттового камня с карьера, и ребята в спешном порядке готовили траншеи для закладки фундамента. Работа кипела упорная, слаженная. При таких темпах не один птичник на 24 тысячи несушек выстроить можно, а целых три.

Какие они разные, эти люди! Многие из них уже прошли большую жизненную школу. И жизнь не баловала их. Одним пришлось сгинуть у себя на роднине в поисках работы, другим — с оружием в руках отстаивать независимость своей страны.

Хатори Масаси приехал из Японии. Безработным, почти нищим умер его отец шестнадцать лет назад. Матери с трудом удалось устроиться машинисткой. Заработанных денег едва хватало, чтобы не умереть с голоду. И Хатори вынужден был искать работу. В 22 года у него за плечами пятнадцатилетний стаж работы и трехлетний — безработного.

Разные это люди. Но у всех одна объединяющая черта — стремление к свободе. Может быть, поэтому так спорно, так деловито и серьезно втягиваются лопаты в целинную землю. Ведь земля эта — земля свободы и свободного труда.

На следующий день, едва отряд расположился на послеобеденный отдых, в небе что-то треснуло, и из расколовшейся тучи полил дождь. Солио Мендоса подхватил гитару и под общий хохот селся в

палатке. Репетицию предстоящего концерта для жителей совхоза пришлось отложить. Дождь был короткий, но бурный. Сразу же заблестели огромные лужи, заворчали мутные, млястые потоки. И прямо из янтаря, перешагнув один такой поток, в лагерь вошла девушка. Она была милашкой, хрупкой, с большими ослепшими на переносице и спортивным челюданчиком в руке. Мокрое платье облепело ее фигуруку.

— Скажите, где мне найти начальника? — спросила она, сматывая с лица крупные капли. — Я приехала из Смоленска... Это отряд «Юность планеты»? Ну вот. Я приехала из Смоленска. Его отыскала вас. Планирую, а хочу работать в этом отряде. Правда, я уже не студентка, но разве обязательно быть студентом, чтобы работать в отряде? И могу быть маляром, хотя образование у меня эконо-мическое.

Ребята сдержанно переглянулись.

— Да, но почему именно в этом отряде? — поинтересовался Кириев.

— Как почему! «Юность планеты»!.. Это же здорово! — И бесхитрая улыбка засветилась на ее лице. — Нет, вы не думайте... Я уже была на целинке, знаю, что трудно. Только, пожалуйста, не пугайте меня трудностями...

Влажный воздух тянул в солнечных лучах, искрился в травах росинкой, с поля потонул медовым запахом гречки с горьковатым привкусом полыни. Первыми отравились «карьеристы» — так прозвали ребят, работавших на буттовом карьере. Конечц Франсис Мерока поднял тяжелый молот на плечо, широко улыбнулся девушке в мокром платье.

— Как вас зовут, девушка из дожда?

— Ганей. Татьяна Маринкина.

— Вы очень смелая, Татьяна Маринкина. Я хочу, чтобы вы остались. Вода зальет траншеи. Пришлось вытаскивать камень и выкачивать мутную, грязную жижу. Это был первый сюрприз природы.

А сколько их еще было! Два месяца полной отдачи, два месяца узнавания героической целины и ее молодых волею. Пройдет совсем немного времени, и на новой, платицкой своими красками улице зазвучат голоса детей. Эта улица будет носить гордое имя — улица «Юность планеты». Ведь память навсегда остается в делах. И в сердцах тех, кто эти дела делает.



Тяжкими темлами не то что один — три птичника можно соорудить!

Посмотрите, как тащат студенты из Колумбии Марта Асеведо и Иван Мансиро, — и не верится, что за плечами у них день напряженной работы.

В этом доме скоро зазвонят голоса новоселов.





СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

мышек, если у тебя частное сердце и вокруг хорошие люди.

В повести «Волжской набата» В. Марченко рассказывается о том, как советские танкисты, совершившие рейс из Черного моря к Тихий океан, в трудной и полной романтики жизни моряков.

Известные книги молодого леинградского автора В. Янко-Погорельского «Грешная дитя ожиданий» просятся на ступе, но она не менее увлекательна, потому что на земля романтики не меньше, чем в море.

Много интересных встреч с писательской молодежью обещает читателям издательство «СОВЕТСКИЙ РОССИЯ». Здесь выходит в свет повесть В. Юнгиной «Восемь дней» — повесть о нем — инженер. Повесть интересна тем, что В. Юнгина пишет обо всем, что пережила и увидела лично. Это рассказ о молодом конструкторе самолета, где разрабатывается проект новой турбовинтовой машины. Но главное для автора (и мы, впрочем, и для читателей) люди, которые создают эту машину.

Скорее на книжных прилавках появится книга И. Греховой «Дамский мастер». С творчеством этой писательницы многие знакомы по журнальным выступлениям, которыми тепло встречены читателями.

Сборник рассказов Ю. Ашмковского «Два билета на Александрию» выходит в издательстве «ЛЕСНАЯ ЛИТЕРАТУРА». Это — веселое повествование о серьезных вещах воспитанника харьковского подростка, о долге и чести. Книга написана ярким и легким языком, повмещает острые и забавные ситуации, в которые попадают ее юные герои.

Повесть А. Соболева «Грозная степь» переписит читателей в сибирскую деревню двадцатых годов. Герой повести — мальчишка, отца которого убили в Бушае. Там в паче литературе не нова, но автор попытался взглянуть на события тех дней глазами человека шестидесятых годов.

Не оставлю в долгу перед молодыми писателями и издательство «СОВЕТСКИЙ ПИССАТЕЛЬ».

О рабочих и колхозниках, студентах и десурбах рассказывает в своей первой книге «Лесная история» молодая писательница И. Веледницкая. Мы, конечно, не могли написать все первые книги, выходящие в четырех московских издательствах в ближайшем времени. Но пусть не обидят те, кто мы не упомянули: ведь вышла первая литература — это мнение читателей, а мы не делаем, что оно будет хорошим. И не только потому, что это первые книги.

Е. КУШВ



арок безоблачное лето — самая горячая пора для кикиморы-страшот. На студии

«Мосфильм» в это время немало занято: большинство съемочных групп занято в весенних и сна натуре. И все же нам повезло: в восьмом павильоне сегодня начинаются съемки фильма «Кора Маркс».

В актовом, пришедшем свете «изюгов» — помпезно обставленный кабинет начальника полиции города Брюсселя. Кинокамера оператора Леонид Косиловца нацелена на двух человек, сидящих в старинных креслах друг против друга.

— Вынимай! Мотор! — раздается команда режиссера Г. Григория Рошала. Его помощник берет перед объективом хлопчатую и торжественно объявляет: «Дубль первый!»

«Надеюсь, вы простите чрезмерное рвение моих подданных», — говорит жандармский полковник. — Вы и ваша супруга свободны».

«Она была арестована?» — с междометием спрашивает Маркс.

«Такая окаянная олажность», — разводит руками полковник. — Но теперь вы имете возможность в указанный срок покинуть Бельгию».

«В указанный срок?» — Маркс иронически качает головой.

«В вашем распоряжении полтора часа. Больше вы величество сделать для вас не может».

«И вы должны вниманием короля», — язвительно усмехается Маркс. — Эта разлука не вызовет у меня сожаления».

Небольшой перерыв перед съемкой очередной «дубля». Григорий Рошала подходит к актерам Лео-

ПЕРВАЯ КНИГА

Наш корреспондент побывал в четырех московских издательствах. Его интересовал один вопрос: какие первые книги молодых авторов увидят свет в ближайшем времени? Оказалось, что их не так уж мало, и, судя по отзывам первых читателей — редакторов, многие из них представляют большой интерес.

Издательство «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» выходит около сотни «первых книг» в год. Почти все авторы этих книг — непрофессионалы, хотя уже печатались в газетах и журналах.

Повторю, что большинство молодых литераторов рассказывает о своих современниках, ровесниках. Героя этих книг волнуют те же проблемы, что и нас, нашу молодежь.

«Мама, я уже взрослая!» — называется книга молодого армянского прозаика В. Петросова, выходящая скоро в издательстве «Молодая гвардия». Автор рассказывает о становлении человека, о его месте в жизни, о путях, которые ведут в настоящую жизнь. — часто трудных и мучительных, но всегда преодо-

СЕГДНЯ НА «МОСФИЛМ»



Рабочий момент съемок. В роли Кора Маркса артист И. Кваша. Жандармский полковник — артист А. Цыпань.

Под микроскопом времени

ПУШКИН И ПУШКИНИСТЫ



Бойтесь пушкинистов!
Старожилы Пляшких,
перышко держа,
полезет
с пережваляемым!...

штупило писал Малиновский, имея в виду ирреоборстующие литературоведы.

А в самом деле, надо ли бояться пушкинистов? Наука о Пушкине существует больше ста лет. Парвая кабинет — ее фундамент заложил Волюнский. С тех пор была почти ни одного литературовед, критика и литературоведа, которому бы в той или иной степени не принадлежала каскада творчества Пушкина.

Одним из основоположников пушкиноведения был В. В. Анненов, близкий знакомый многих русских писателей, первая биограф Пушкина, издавший сочинения поэта в шести томах с исчерпывающей для того времени полнотой. Известными пушкинистами в прошлом веке были Я. К. Грот и П. И. Баргтенев.

В начале нашего века и в советское время вышли капитальные труды о Пушкине таких исследователей, как Н. О. Лернер, Б. Л. Модзалевский, П. Е. Щеголев, М. А. Цивилевский, отдал пушкиноведению 30 лет жизни. Сором лет занимался исчерпывающим творчеством поэта крупнейший советский пушкинист В. В. Томашевский, автор двухсот работ о поэте, Пушкинистом был известный писатель-литературовед Юрий Тынянов.

Результатом столетней работы пушкинистов было издание в 1927—1949 годах Полного собрания сочинений Пушкина (так называемого «Большого академического» в 16 томах, в 20 книгах), опубликованное наследие поэта было прочтено во последней строчке, вневременный ряд догматических, превращаясь в «Монах», «Тень Фоминина»). Советский читатель увидел облик поэта, оцененным от «расной чужды».

Сегодня пушкиноведение — одна из наиболее «освоенных» областей советского литературоведения. Досконально исследованы все факты жизни и творчества великого поэта.



рю Каша и Арнольд Пахману и выскочил среди поворота в скверный мых эшад. Не теряя времени, солдаты подбравляют парик на голове Маркса. Перевы похобит к концу, и Григорий Леонович сохмаетается ответить на мои вопросы.

Сегодня для нас торжественный день,— говорят они.— После длительного подготовительного периода мы начали строить фильм творческого коллектива побывав в местах будущих натурных съемок картин. При содействии немецких киноматографов многие эпизоды фильма мы снимали в Берлине, в театре Галле, Мерзебурге и Потсдаме, а в некоторых улицах и домах, несколько «подрированных», дадут нам возможность пережить зрителей в Париже и Восточной Европе.

Много сил и труда мы потратили на то, чтобы точно и достоверно воссоздать обстановку, которая окружала наших героев. На территории все: где жил и работал Маркс, как выглядел он в доме в 1848 году, как тогда одевались, обставляли дома.

Наш фильм охватывает сравнительно небольшой отрезок жизни и деятельности Карла Маркса и Фридриха Энгельса — именно в то время, когда они были париж, когда окончательно сформировались их мировоззрение, когда была создана «Новая Рейнская газета», ставшая боевым органом революции 1848 года, когда была написана «Манифест Коммунистической партии».

Мы хотим создать многогранный образ гениального мыслителя, непримиримого борца за интересы рабочего класса, человека, который добился образа, который зритель внес бы в своем сердце. Мы расскажем о великой дружбе Маркса и Энгельса, о семье и верной дружбе Маркса и Жюли фон Вестфален, об их удивительной семье.

Для исполнения главных ролей привлечены известные актеры театра и кино: в роли Маркса играет актер театра «Современник» Игорь Каша, в роли Энгельса — актер Театра сатиры Андрей Миронов. В остальных ролях — молодые актеры: Фридрих (Жюли фон Вестфален), Лев Золотухин (Бакунин), Василий Ливанов (Вевер), Арнольд Шенгала (Жанетта), Ольга Гобева (Дама).

Фильм будет четким и сфокусированным, стереофоническим. Музыка пишет Дмитрий Шостакович.

Перевы закончен. Съемка продолжается.

В последние полвека о жизни Ф. И. Шалпина написано так много, что, казалось бы, нет уже неизвестных страниц в биографии знаменитого певца. Однако сохранился об одном неизвестном эпизоде из жизни Шалпина рассказ чехословацкий артист Ягослав Грляк, которому довелось петь вместе с Шалпиным.

Помню всего предост, эпизод этот имеет особый интерес. История театра знает множество примеров, когда самые знаменитые артисты провалились из-за самых обыкновенных недоразумений. За одним спектаклем может произойти что-нибудь непредвиденное за кулисами, на сцене не вовремя выстрелит пистолет, упадет люстра и т. д. В этих случаях просят того, кто в театре называют «апласом». И редко, чрезвычайно редко актеру удается выйти победителем...

Это было в 1933 году. Шалпин приехал в Прагу на гастроли. Он выступил в драматическом зале Люцера и концертном и на сцене Национального театра в роли Дон Кихота.

К первой же репетиции на сцене театра были установлены все декорации. Шалпин приехал точно к назначенному времени. За кулисами было полно народу. Все — и артисты хора и вспомогательные составы — хотели видеть Шалпина. Репетиция затанцовалась. С каждым Шалпин репетировал отдельно; показывал, как бы он сыграл на месте партнера, и даже, к взыску неудовольствию режиссера, ситуационно заменил некоторых сынов.

Дон Кихоту нужен был Россинат, Санчо Пансе — осел. Но как поведут себя настоящие животные на сцене во время оперы? Режиссер решил обойтись без них. Однако Шалпин категорически настаивал на «живом реквизите», поскольку он привык так играть! Ни объяснения, ни просьбы на Шалпина не действовали, и в конце концов назначенные пражане пришлось браться по всей Праге в поисках тощего коно и спокойного ослика. После немалых трудов Россината и ослика нашли все-таки удалось. Режиссер и актер, исполнявший партию Санчо Пансы, чувствовали себя, как на аукане.

И вот премьера. Появление Шалпина на сцене, как и следовало ожидать, было встречено громом аплодисментов, и первое действие прошло исключительно успешно. Началось второе.

Раннее утро. Поле в ветрильных мельницах покрыто густой мглой. Дон Кихот с

мандолиной в руках медленно идет и скагает новую песню о Дульцине. За ним колыхает Санчо, веда под уздцы Россината и ослика. Так должно быть по ходу оперы. Но тут и началось! Россинат кержош понах свои обязанности и добросовестно их выполнил: он вышел на сцену,— осел натро, но осел оказался появляться перед зрителями. Санчо изво весь сил твуду за поведом, но осел уперся передними ногами в пол и встал за кулисами, как каменное изваяние. Пятро служителей пытался вытолкнуть управное животное из-за кулис. В конце концов осел оказался на сцене. Между тем Шалпин стоит у самой рамы, совершенно не подозревая, что разгильяется за его спиной. Наконец он дошел ярно и радостно подошел к Россинату, довольный, что режиссер все-таки нашел ему животное. Но осел... осел быстро акклиматизировался и начал выталкивать себя на сцене, как дома, в стойле. Он же не знал, что это театральная подоплека! Зрители заулыбались. А когда во время серьезного эпизода — боа Дон Кихота с ветриными мельницами — осел явоту начал весело скакать по сцене, а потом неожиданно убежал за кулисами, публика не выдержала и заоралась смехом и оглушительными аплодисментами.

Все это могло бы погубить спектакль. Но в последнем действии Шалпин имел огромный успех. Смерть Дон Кихота и исполнение оказалось куда сильнее несовершенств живого реквизита.

Литература о Пушкине поминисте неизмерима. Например, в прошлом веке, а именно в 1898 году (время между двумя юбилеями), было начато издание «Словаря Пушкина», в котором в журнальных и газетных статьях о поэте. А в одном юбилейном 1949 году (150-летию со дня рождения Пушкина) в разных kinds, статей, рефератов, стихов о Пушкине вышло уже 150 публикаций. В СССР, Тольятти, в городе им. Пушкина, посвящено по творчеству Пушкина 60 защитных по 32 магистерских и 3 докторских диссертации.

Каместь, творчество Пушкина изучено до последней буквы существующей. И даже работа дореволюционного автора «Заметки о знаках прегинания у Пушкина», в которой Пушкинство ставов проведена огромная аналитическая работа. Купеческий сын, писатель, теолог. Как ни странно, до сих пор не написаны биографии о Пушкине и творчестве поэта. Но в своем произведении пошла бы, если бы Б. В. Томашевскому удалось закончить все четыре тома своей работы. Но вышел лишь первый том, второй том материалов монография издан уже после смерти исследователя. Точно так же остался незаконченным труд Юрия Тынянова

«Пушкин». Полное «Большое академическое» собрание, несмотря на всю его полноту, не является исчерпывающим. В нем отсутствуют такие материалы как издание Пушкина; записи народных песен и сказок, поминки на народ, илные записки, рецензии поэта. Отсутствуют также комментарии к изданию. Издан академический трехтомный «Словарь жизни Пушкина», но нет его еще по «Словарю рифм Пушкина».

Возвращаясь к Пушкинству еще много работы. Эту работу в нашей стране возглавляет «Словарь жизни Пушкина», но нет его еще по «Словарю рифм Пушкина».

У Пушкинистов есть много работы. Эту работу в нашей стране возглавляет «Словарь жизни Пушкина», но нет его еще по «Словарю рифм Пушкина».

«Пушкин». Полное «Большое академическое» собрание, несмотря на всю его полноту, не является исчерпывающим. В нем отсутствуют такие материалы как издание Пушкина; записи народных песен и сказок, поминки на народ, илные записки, рецензии поэта. Отсутствуют также комментарии к изданию. Издан академический трехтомный «Словарь жизни Пушкина», но нет его еще по «Словарю рифм Пушкина».

Возвращаясь к Пушкинству еще много работы. Эту работу в нашей стране возглавляет «Словарь жизни Пушкина», но нет его еще по «Словарю рифм Пушкина».

ПРОРОЧЕСТВО БАЙРОНА

Обычно ученые довольно скептически относятся к разного рода предсказаниям и пророчествам. Почему же Шамис и Арнольд Тимирязев такой строгий ученый, сохранил свою статью «Пророчество Байрона о Москве» (Статья была опубликована в журнале «Коммунистический Интернационал» в 1919 году и вошла в сборник работ К. А. Тимирязева «Наука и революция».)

Великий ученый-ботаник выступил необычной род литературы. Он и вез Шамиса и Арнольда Тимирязева «иные» (в то время не существовавшие) статьи о пророчестве Байрона о Москве в 1823 году, поэма была явил политическую сатиру на европейских саманов, входивших в составленный союз, целью которого было борьба с русскими республиканскими движениями. Поэт величественно изложил откровенные мысли республиканцев, похвалю Байрона в Россию, закончившийся московским пожаром и разгромом заговорщиков. В этой гонимой поэме Байрон написал о Москве следующие пророческие строки: «Блистательный, слав в истории

совершишь не знал, ты простом и в то до позора грядущего, в историю все империи мира должны погибнуть» (перевод К. А. Тимирязева).

В этих строках К. А. Тимирязев не случайно уловил созвучие с современными событиями, пророчество о котором говорил поэт, происходило на его глазах. Пророчество Байрона, впрочем, его мечта сбылось. Вот почему даже строгий ученый восхищается меткой поэты, опережающей время. Он пишет:

«Что бы ни говорили историки известного склада мысли, история решительно повторится, и с каждым повторением только растет в размерах своих события. Что лет назад с тайной решительным протестом против победителей (то есть монархов-реакционеров) выступил чуть ли не один только Байрон. Но что было страстной мечтой великого поэта — мировой пожар, который уничтожит все оплоты мировой реакции,— является уже сознательным, уверенным осязданием мирового пролетариата».

МЕЧТЫ И ПРОГНОЗЫ



Корреспондент «Смеяны» обратился к известным советским и зарубежным легкоатлетам с просьбой ответить на вопросы, интересующие читателей журнала:

1. ЧЕГО ВЫ ЖДЕТЕ ОТ XVIII ОЛИМПИЙСКИХ ИГР В ТОКИО!

2. КАКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НАДЕЕТЕСЬ ПОКАЗАТЬ В ЭТОМ СЕЗОНЕ!

3. КТО ВАШИ ОСНОВНЫЕ КОНКУРЕНТЫ!



ИРИНА ПРЕСС
(СССР)

1. Прежде всего я верю, что на Токийской олимпиаде будет царить дух дружбы и товарищества. Тем самым будет утверждена главная идея олимпийского движения.

В Олимпийских соревнованиях не так важны результаты сами по себе, как способность выиграть призовое место, завоевать медаль. И все же в Токио можно ждать мировых достижений. Свидельством тому непрерывный прогресс в спорте.

Четыре года назад, на прошлых Олимпийских играх, я завоевала золотую медаль в беге на 80 метров с барьерами — 10,8 секунды. Надо думать, что в Токио этот результат будет превзойден. Не секрет, в Японии мне хотелось бы снова завоевать «золото»: тогда никто не упрекнет меня в топтании на месте.

2. Еще до начала Олимпийских игр постаралась пробежать 80 метров с барьерами за 10,4 секунды. Постаралась улучшить и свой результат в пятиборье.

3. Олимпиады всегда приносит сюрпризы. К тому же не все фавориты сохраняют боевую форму. Одно дело, когда соперники ведут напряженный спор, другое, когда стартуют вместе. Здесь, рядом с «чистой» спортивной нагрузкой во весь рост вступает психологический фактор.

Все же думаю, что в беге на 80 метров с барьерами основные претенденты на медали — Карин Вальцер из ГДР, австралийка Номела Килборн, японка Икуо Июса.

В программу Олимпийских игр впервые включено пятиборье. Это объясняется тем, что оно приобретает все большую и большую популярность. Здесь весьма высокие шансы у англичанки Марги Ренд, австралийки Элен Фрит и немки Карин Вальцер.

ЭНРИКЕ ФИГЕРОЛА
(КУБА)

1. Прежде всего я надеюсь на успешное выступление всей кубинской команды, еще более успешно, чем на последних панамериканских играх в Сан-Пауло.

Что же касается меня, то рассчитываю добиться лучших результатов, чем в Риме, где я занял почетное четвертое место в беге на 100 метров. Тогда я был совсем неопытным, ведь Римская олимпиада была моим вторым серьезным стартом в жизни.

2. В этом году хочу показать результат на 100 метров в пределах 9,9—10,0 секунды. Надеюсь удержать высокую спортивную форму до Токио.

3. Своими главными конкурентами считаю американских спринтеров, в частности Хейса, а из европейцев — Делкура и Пинемала.



АНДЖЕИ БАДЕНСКИЙ
(ПОЛЬША)

1. Для меня еще не решен вопрос: бежать 200 метров или 400. И на той и на другой дистанции я, думаю, могу рассчитывать на третье место. Выбор будет сделан только в сентябре.

2. На моей любимой двухсотметровой дистанции намеревался в этом году показать 20,5 секунды. Что же касается 400 метров, то мне, очевидно, под силу время 45,5 секунды.

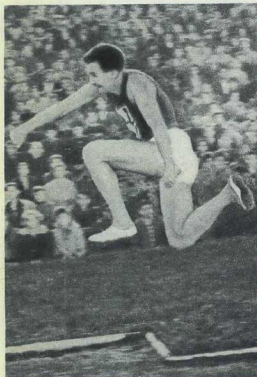
3. На двухсотметровой дистанции мои главные соперники — американец Карр и итальянец Оттолина. На четырехсотметровой — Бегуны из США.

ВИТОЛЬД КРЕЕР (СССР)

1. На токийском стадионе в секторе для тройного прыжка развернется напряженная борьба за призовые места. Олимпийский год уже ознаменовался отличными результатами неизвестных доселе спортсменов, и я думаю, что наступление молодых только начинается.

2. Конечно, нельзя рассчитывать на медаль без очень высокого результата. Собираюсь в этом году прыгнуть за отметку десятилетнего рекорда — 16 метров 71 сантиметр.

3. Своим главным соперником считаю мирового рекордсмена поляка Юзефа Швайцта, но, правда, по последним данным, он перенес операцию коленного сустава и пока не тренируется. Кроме того, опасными конкурентами будут наши советские спортсмены и хозяева Олимпиады — японские прыгуны.

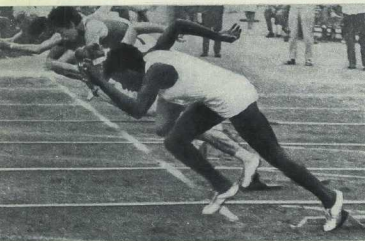


МИГЕЛИНА КОБИАН (КУБА)

1. Сенсация Токийской олимпиады, несомненно, будут успехи кубинского спорта. Жаль, что в программе игр нет бейсбола. Наверняка наши ребята получили бы золотую медаль.

2. Трудно говорить о себе, но мой тренер рассчитывает на 11,2—11,3 секунды. Думаю, что такое время достаточно для того, чтобы претендовать на одну из медалей в беге на 100 метров.

3. Своей главной соперницей считаю Вилку Рудольф (если она будет участвовать в соревнованиях).



ОЛЬГА ПУЛИЧ (ЮГОСЛАВИЯ)

1. Считаю, что наши спортсмены завоюют не одну золотую медаль в Токио. Я говорю не о легкоатлетах. Нам еще далеко до уровня наших футболистов, ватерполистов, борцов.

2. Трудно прогнозировать свои результаты, когда начинаешь тренировки после долгого перерыва. Но я надеюсь улучшить рекорд своей страны по прыжкам в высоту. Хорошо, если бы это произошло в Токио.

3. Своими основными соперницами считаю советских и польских спортсменок, не говоря уж о румынке Йоланде Балаш.



ЛИВИО БЕРУТТИ (ИТАЛИЯ, олимпийский чемпион).

1. Было бы очень здорово повторить в Токио римский успех. Конечно, мне очень трудно рассчитывать на победу (выросло много талантливых спортсменов), но бороться за нее буду.

2. Четыре года назад я был моложе, но, несмотря на возраст, надеюсь улучшить римский результат (неудобно проигрывать своему земляку Серджио Оттолина).

3. Как я уже говорил, выросло множество новых бегунов. Лучшие из них станут моими соперниками в Токио.

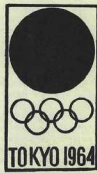


КЕСТУТИС ОРИЕНТАС (СССР)

1. Мне еще рано думать об Олимпиаде. Надо сначала добиться права участвовать на «форуме сильнейших» в Токио.

2. Пока мое лучшее достижение — результат, показанный на 5-километровой дистанции мемориала Знаменских — 13,45,0. Но я надеюсь улучшить его еще на несколько секунд.

3. На третий вопрос я скорее всего отвечу так: не мне считать кого-либо своими конкурентами. Нужно самому стать настоящим конкурентом других стайеров.

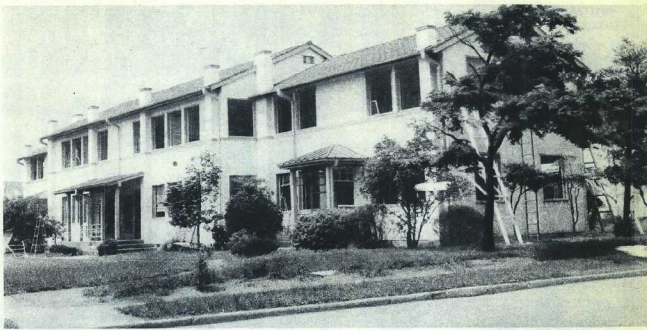


Десятого октября на глазах у восьмидесяти тысяч зрителей и спортсменов над овальной чашей Национального стадиона в Токио вспыхнет олимпийский огонь. Впервые столица азиатского государства станет на две недели столицей мирового спорта, местом праздника молодости, силы и красоты.

Токио уже не молод. Ему около восьмидесяти лет. В эти дни он ускоренными темпами строит новые авто-страды, гостиницы, спортивные сооружения, рассчитывая значительно помолчать и грезду гостей.

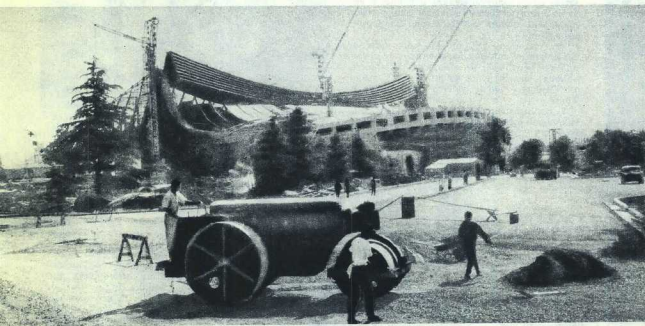
Однако строительство новых сооружений — это далеко не все, что беспокоит организаторов Олимпиады. Они хотят сделать столицу не только новой, но и чище, красивее. Десятого числа каждого месяца сотни тысяч токийцев добровольно выходят на улицы, чтобы убирать мусор, сажать цветы.

Но все же главное в «чистке» Токио — это борьба не с мусором на улицах... В городе пять тысяч гангстерских банд, множество разного



Б. ЧЕХОНИН

РЕКОРДАМ СУЖДЕНО ОБНОВИТЬСЯ



Иосано поделится с читателями советского молодежного журнала своими мыслями о предстоящих Олимпийских играх.

«Мы рады принять у себя в октябре представителей зарубежной молодежи», — сказал он. — Японские юноши и девушки постараются показать себя радужными и гостеприимными хозяевами. С большими удовлетворением мы воспримем известие о предстоящем приезде в Токио сильной советской олимпийской команды. Я твердо уверен: этой осенью многим мировым спортивным рекордам суждено обновиться. Японцы надеются, что XVIII Олимпийские игры внесут весомый вклад не только в развитие спорта, но и в укрепление взаимопонимания и дружбы народов земного шара».

Токио.

На снимках:
Уголок олимпийской деревни.
Заканчивается строительство плавательного бассейна.
Билеты на Олимпиаду еще продаются.

рода сомнительных заведений. Полиция пытается предпринять против них ряд мер, но ощутимых плодов ее усилий пока не видно. Преступность в Токио по-прежнему велика.

Олимпийских проблем немало. До сих пор устроители ломают голову над тем, как разместить небывалое количество туристов из-за рубежа. На помощь отелям придет парадокс. Многие гости поселятся на борту иностранных, в том числе и советских, лайнеров. В Токио плохо с водой. Система водоснабжения безнадежно устарела. Поэтому даже в тридцатиградусную жару подача воды строго нормирована. Тревожные вести поступают и, так сказать, с медицинского фронта. На днях в районе, расположенном неподалеку от мест олимпийских соревнований, вспыхнула эпидемия неизвестной болезни. У

пораженных ею людей наблюдаются резкие боли в желудке и паралич ног. На борьбу с неожиданным врагом брошены лучшие медицинские силы. Говорят, методы лечения нового заболевания уже разработаны.

Перечень еще не решенных олимпийских проблем можно было бы продолжать. Но, несмотря на трудности, Токио уже добился несомненных успехов в подготовке к международному спортивному форуму. Японцы проявляют безудную организаторскую способность, трудолюбие и таланты, чтобы превратить токийскую олимпиаду в лучшую из всех, какие когда-либо знала история.

Можно смело сказать, что труднейшая из проблем — не ударить лицом в грязь на международных спортивных состязаниях — ими уже почти решена. Еще несколько лет назад япон-

ские спортсмены не блистали особыми успехами. За последние четыре года им удалось добиться существенного перелома. Олимпиады Японии теперь — опасные соперники. Они твердо рассчитывают завоевать на предстоящих играх пятнадцать золотых медалей и выйти на третье место после СССР и Соединенных Штатов Америки. Улыбнется ли им спортивная фортуна? Пожалуй, да. Единственный сильный противник, который в состоянии отодвинуть японцев на четвертое место, — Объединенная германская команда. Больше всего медалей японские олимпийцы надеются получить в состязаниях по дзю-до, гимнастике, плаванию, легкой атлетике, борьбе и волейболу.

От имени «Смены» я попросил генерального секретаря Японского олимпийского оргкомитета господина





ЦИФРЫ ЦИФРЫ...

443 мужичины и 97 женщин может выставить на Олимпиаде каждая страна. Выступающая по всей олимпийской программе. Но это только теоретически. На деле все команды представляется меньшим числом спортсменов. Так, команда США состоит из 447 человек, а американские спортсмены не участвуют только в двух видах программы из двадцати. По семнадцати видам будет выступать и спорная команда СССР. Спортсмены Англии, Венгрии и Австралии участвуют в 17 видах, Франции, Румынии и Италии — в 16.

Японская команда будет состоять из 380—320 спортсменов. Интересно напомнить, что в мексиканской Олимпиаде участвовало 287 австралийцев, а в римской — 275 итальянцев.

Самыми многочисленными будут соревнования негоднатов: заявки подали 66 стран. На втором месте бонс — 49 стран, на третьем плаванию — 37. До последнего времени было известно, будут ли соревнования по конному спорту. Заявки на участие в этом виде программы подтверждали только 5 команд: СССР, Швеции, Румынии. Объявленная германская команда и Швейцария, а по положению соревнования проводятся только при шести странах-участницах. Все зависело от американских чиновников, которые в законе прислали подтверждение предварительной заявки.



ЗАБОТЫ ПОВАРОВ

Организаторы Олимпийских игр уже начали составлять меню для участников. Эта преемственность объясняется тем, что нужно учесть свыше тысяч спортсменов, привыкших к своим национальным кухням.

Перед приходом спортсменов будет организован кулинарный «генеральный репетиция», на которой делегации поведутся все виды пищи. После этого будет окончательно утверждено олимпийское меню.

ПУШКИ К БОЮ!

Помощь армии в Токно используется так же широко, как и в Иерусалиме. Сформирован специальный рабочий батальон численностью 5 400 солдат. На «мужчин» находится 780 специальных средств для перевозки грузов, 600 автомобилей, 10 вертолетов и 3 пушки.

Солдаты будут нести службу у входа в олимпийскую деревню, наводить порядок на улицах, регулировать движение олимпийских объектов и поддерживать радио- и телефонную связь со всеми местами сосредоточения. Ну, а пушки! Им тоже найдется работа: в момент открытия и закрытия игр будет проведен артиллерийский салют.



В ТОКИО НА... ВЕЛОСПЕДЕ

В один из самых дорогих летних французского города Лиона собрался на шумную церемонию в честь старта двух велосипедистов. Два уроженца этого города, Иоанн Глак и Ален Жерик, решили добраться в Токно на велосипедах. Их маршрут пролегает через Италоию, Грецию, Иран, Турцию, Афганистан, Пакистан и Китай. Велосипедисты собираются преодолеть маршрут по 200 километрам и в начале октября добраться до Токно. Обратный путь они проделают на пароходе.



КОРОЛИ И ПРИНЦЫ

Свыше миллиона дворников выйдут на улицы Токно в День Олимпиады. Среди них будет и наследный принц Анкито, который начнет эту финальную битву за чистоту японской столицы. И чтобы не оскандалить перед предостереженным зрителем, Анкито ежедневно тренируется на дорожках императорского парка.

Одним из победителей гонок атлетизма в Риме был греческий принц Константин. Но в Токно он не будет отстаивать свой олимпийский титул от посягательства соперников. Дело в том, что не так давно Константин из наследного принца превратился в героя. А королям категорично участвовать в гонках наравне с простыми смертными.



СКОЛЬКО ЭТО СТОИТ!

Еще не завершены работы по подготовке и Олимпиаде, а сумма затраченных средств достигла астрономической цифры — 1 033 854 миллиона япон (1 000 иен — 2,51 руб.). Но не поудайте, что все эти деньги пошли на строительство спортивных сооружений. Прямые расходы на спорт составляют 245 837 миллионов иен. А остальные иены расходуемы на строительство новых дорог и коммуникаций.

ВСЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

Олимпийский пресс-центр разместится в огромном здании в ста метрах от Национального стадиона. Характерной особенностью токийского пресс-центра будет доступ информации журналистам. В нем размещена самая совершенная вычислительная машина, связанная со всеми спортивными объектами. Результаты забегов, гонок и встреч будут автоматически печататься и выдвигаться журналистам. Кроме того, для них приготовлены кабинеты меморитентальной радио- и телефонной связи.

Для представителей прессы специально построена семизатная гостиница «Пресс-хаус» на тысячу мест. Этот отель расположен вблизи пресс-центра.

ГОРОДА-КОНКУРЕНТЫ

Еще не начался соревнования в Токно, а между многими странами развернулась борьба за право проведения Олимпиады 1972 года. Как известно, следующие олимпийские игры 1988 года пройдут в Мехико. На проведение же XX Олимпиады претендуют доли Мадрид, Ансра (Гана) и Оланда (Новая Зеландия).

ЭЛЕКТРОННЫЕ СУДЫ

До последнего времени в некоторых видах спорта время измерялось ручными секундомерами. Японские специалисты придумали новшество, которое позволяет вести хронометраж в плавании без участия человека. Эта установка фиксирует даже сотые доли секунды. Она записывается в виде стрелки и сохраняется в памяти в момент касания пловцом иронии бассейна. Финишная борг идеана из микрон электрической массы.

Еще одно новшество японцы внесли в функционирование регуляторов в легкой атлетике. Вместо того, чтобы носить дорогие часы, традиционные ручные секундомеры разных типов. Все секундомеры прошли самую тщательную и строгий экзамен на температурный, механический и временный испытания.



МОЖНО ЛИ ПОБЕДИТЬ БЕЗ БАНИ!

Финские спортивные руководители, побывавшие недавно в Японии, увидели подготовительный комитет состоявшихся просьбы устроить в здании, где будут жить их спортсмены, специальную финскую баню — «сауну». Этот вопрос возникает не впервые.

Но было еще ни одного крупного соревнования, где бы финнам не сопутствовала «сауна». Председатель национального олимпийского комитета Финляндии Максвелла заявил в беседе с журналистами, что в Японии придут около 100 спортсменов и что финны рассчитывают завоевать 3 золотых, 4 серебряных и 3 бронзовых медали. Они надеются на успех в легкой и тяжелой атлетике и в стрельбе. «Только одного мы просим у организаторов Олимпиады, — сказал Максвелла, — это поставить в нашем блоке «сауну». Все остальное мы сделаем сами».

КОПЬЕ И КОЛ

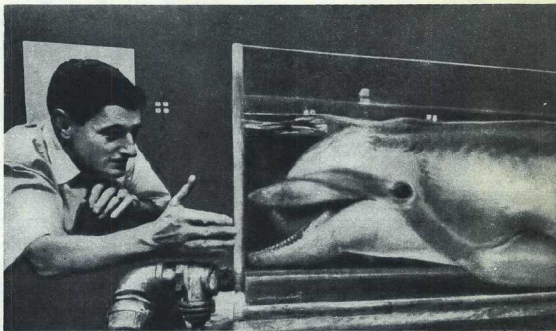
Оригинальный метод аттестирования признает известный датскогерманский копьеметатель Херман Саламон. Еще прошлой осенью он начал забивать в землю огромный кол. Когда кол войдет в землю, это будет сигналом того, что сплетенная форма Саламона достигла высшей точки и он окончательно «сорзел» для Токно.



Рисунки В. НЕДОГОНОВА

Я. ГОЛОВАНОВ

МЫ ХОТИМ РАССКАЗАТЬ О ЖИВОТНОМ, НАВЕРНЯКА ВАМ ИЗВЕСТНОМ И ВСЕ-ТАКИ УДИВИТЕЛЬНОМ, О ЖИВОТНОМ, КОТОРОЕ ПОЧИТАЛОСЬ В ДРЕВНОСТИ СВЯЩЕННЫМ И КОТОРОЕ В НАШИ ДНИ, ПОТЕРЯВ НИМЕ СВЯТОСТИ, ОБРАЩАЕТ НА СЕБЯ ВНИМАНИЕ ЗООЛОГОВ ВСЕГО МИРА, О ЖИВОТНОМ, КОТОРЫМ СЕГОДНЯ ИНТЕРЕСУЮТСЯ НЕ ТОЛЬКО МОРСКИЕ ОХОТНИКИ, НО И СПЕЦИАЛИСТЫ В ОБЛАСТИ КИБЕРНЕТИКИ И ЛИНГВИСТИКИ. МЫ ХОТИМ РАССКАЗАТЬ О ДЕЛЬФИНЕ.



ЛИНГВИСТЫ И ДЕЛЬФИНЫ

ПЛЯСКИ ПОСЛАНЦА БОГОВ

Наверное, каждый, кому довелось бывать на берегу моря, видел веселую пляску дельфинов: ведь нет такого моря (не считая замкнутого, такого, как Каспийское или Аральское), в котором не было бы этих животных. Подчеркиваем, животных, а не рыб. Дельфин — «родственник» кита и кормит своих детенышей молоком.

Прыжки дельфинов в лучах солнца принимают за веселую игру, хотя нередко такой прыжок — охотничий прием. Они резвятся в одиночку, и парами, и шумными, веселыми «компаниями», и огромными стадами. Автору этих строк посчастливилось наблюдать орланды у берегов Либерни захватывающее зрелище: около двух тысяч дельфинов двигались в море плотной стайей, преследуя косяк сардин. Море бурлило. Иногда четыре-пять дельфинов шли плотной группой, строго соблюдая строй. И когда из воды выпрыгивала такая группа, в воздухе возникала живая движущаяся арка. Дельфины без страха подходили к самому борту нашего судна, и тогда хорошо были видны их блестящие серые тела, легкое и быстро скользящее в воде, можно было рассмотреть черные отверстия дышала, маленькие глазки и большие «улыбающиеся» рты.

Дельфин — один из первых обитателей океана, с которым познакомились люди. Познакомились благодаря его открытому, добродушному характеру. О дельфинах с восхищением писали Аристотель и Плиний. Жизнерадостного ныряльщика древние греки и римляне объявляли священным. Ловить его было запрещено. Знай это дельфин, они были бы еще веселее. В средние века дельфина «поместили в чин»: из священного он превратился в просто «животного», Впрочем, почтенного настолько высоко, что его изображение украшало гербы знати наряду с орлами и львами. Его имя вошло в лексику французского двора. В 1342 году Уильям II уступил Францию провинцию Дофина с условием, что старший сын французского короля будет отныне называться «дофин». Но точный перевод Дофина — Дельфиния.



Так имя животного стало на многие века «титулом наследника французского престола».

Дельфины наделяли необыкновенными способностями. Основоложник современной гидрографии, один из крупнейших авторитетов эпохи Возрождения, Р. П. Фуриле, писал в своем гидрографическом трактате: «Считают, что они узнают каким-то образом о приближении своей смерти и тогда выбрасываются на берега, чтобы не стать добычей рыб. Если же случается им умереть в воде, другие дельфины поднимают тело умершего над водой, собираются большими стадами, чтобы рыбы не увидели, как они деловит, и несут покойника к берегу, чтобы оставить его на берегу, и покойник нравится людям и музыка, они любят людей...»

Они любят людей... Мы еще вернемся к этим словам средневекового натуралиста. Знали ли они, и ученые передали «знания» дельфинам в отведенную им графу зоологической классификации: семейство млекопитающих подотряда зубастых китов. Классификация не вызвала споров, и многие годы дельфины интересовали специалистов не больше других морских животных, имеющих промысловое значение. Но дельфин заставил заинтересоваться собой.

«ВОДАНАЯ ОБЕЗЬЯНА»

Вначале этот интерес был вызван соображениями чисто коммерческими. Оказалось, что, показывая дельфинов публике в огромных аквариумах, на них можно заработать гораздо больше, чем оснащая специальные суда для промышленной добычи их в море. В США появились два водных цирка, «главным» программы которых были выступления дельфинов. Дельфины легко поддавались дрессировке.

В водном цирке во Флориде сейчас знают и работают два дельфина. Их игры разнообразны и неизменно жеманноваты. Они с удивительным балансируют камнями, закинув их на нос или на плавник. Наиболее шустры подбрасывают над водой раскатыны или резные деревянные игрушки. Это наваго владельца цирка на мысль, что дельфины можно научить играть в баскетбол. Они действительно быстро освоили, что от них требуют, и в прыжке с поразительной точностью отправляли мяч в корзину. «Звезда» цирка — самка Нилли прыгает во время игры на высоту около 5 метров. Для такого прыжка она

должна начинать разбег в самом дальнем углу 22-метрового бассейна.

Посетители водного цирка не только не мешают развиваться его актерам, но иногда сами становятся участниками выступлений. При этом гидрограф, вылезая из воды, очень ловко вытаскивает носовые платки из заднего кармана мужских брюк. Поплавав с платком минут пять, она возвращает его владельцу. Оценивая девичью урочность в бассейне, посетитель дельфина ныряет и свистит его в зубы, поспешил услышать, чтобы вернуть аппарат прямо в руки хозяина.

Дельфины любят лодки. Игрательная дружба с человеком — любимая забава с маленькой Маргарет — дочкой аквариумного сторожа. Девочке ежедневно приходило в дельфина поиграть с ним в воде. А однажды Флиппер сам пришел навести Маргарет, выкрикивая на берег бассейна. С тех пор такие встречи друзей стали регулярными. Дельфин может некоторое время жить без воды. В эти минуты свое большое удовольствие для Флиппера, если девочка гладит его и почесывает ему живот.

Редкая мышленность, способность быстро понимать, что от них требуют люди, мирный и жеманноватый характер обитателей водных цирков заинтересовали физиологов и психологов. Занятия с оловяной пробиркой с разумными обитателями других миров. Кто они? На каком уровне развития находятся? Что собою представляет с кинологической и биологической точек зрения? И раз они разумны, то общение с ними должно быть основано на информации? А если обмениваются, то как совсем мы понять их язык, и как они поймут нас? Все эти вопросы совсем не простые, тем более что в качестве модели представителя иного мира очень трудно подобрать того-нибудь из обитателей Земли, кроме человека.

ЭЛЬВАР — КАНДИДАТ В ПРОТОТИПЫ КОСМИЧЕСКОГО ГОСТЯ

После запуска в октябре 1957 года первого искусственного спутника Земли мечты о межпланетных полетах уступили место численным расчетам. К Луле, Марсу, Венере были запущены автоматические межпланетные станции. Ученые обсуждали планы строительства поселков на других планетах. И это дало заветный разговор о возможности востановления связей с разумными обитателями других миров. Кто они? На каком уровне развития находятся? Что собою представляет с кинологической и биологической точек зрения? И раз они разумны, то общение с ними должно быть основано на информации? А если обмениваются, то как совсем мы понять их язык, и как они поймут нас? Все эти вопросы совсем не простые, тем более что в качестве модели представителя иного мира очень трудно подобрать того-нибудь из обитателей Земли, кроме человека.

Одно из решений задачи обмена информацией между разумными обитателями разных миров предложил датский математик Такс Фридрихальт. Он исходил из предположения, что разумному существу, пусть даже весьма далекому от нас по своему биологическому строению, должны быть понятны главные математические законы и основы математической логики. Фридрихальт разработал «язык» — космический язык, специальную систему обмена информацией.

Итак, теория налицо. Требовалось проверить ее на практике. Не кому? Очевидно, что в широком смысле, но не на человека. Так в животном мире нечужд конкурсу на замещение вакансии собеседника человека. Экзemplы держали собаки и кошки, слоны и лошади, обезьяны, птицы и прimate. Но дельфин аквариумного сторожа победителем оказался дельфин. Он был признан самым умным животным из всех населяющих нашу планету. Именно этот вывод делает в своей книге «Человек и дельфин» американский психолог Джон Лилли.

В приморском городе Майами на полуострове Флорида доктор Лилли организовал специальную лабораторию, в которой уже несколько лет исследует и исследует дельфинов, пытаясь отыскать пути к непосредственной связи между ними и человеком. Доктору удалось добиться некоторых успехов. Вернее, не ему, а четверем его питомцам: Эльвару, Сассе, Шенне и крошке Дид. Доктор Лилли установил, что дельфины «разговаривают» друг с другом, сообщают приятные и неприятные известия, «комментируют» происшедшие события. Лилли надеется со временем выучить их «язык», выходящий за пределы животного царства. В диалог и часто напоминают ширит, шипение, крики птиц, крикание. Однако не все звуки, которые издает дельфин, может воспринять человеческое ухо. Поэтому многие из них лежат в области ультразвукового колебания, и для того чтобы их услышать, нужна специальная аппаратура. Лилли утверждает, что в области ультразвука находится самые важные «слова» дельфиньего «языка».

Ученый установил в аквариумах ультразвуковые микрофоны, подслушал и записал беседы своих подопечных: два дельфина переговаривались жеманно и востанчивая звуками, иногда переходящими в крик.

Для того чтобы расшифровать язык дельфинов, доктор Лилли использовал современный нейрофизиологический метод раздражения электрическим током определенных участков коры головного мозга, в результате чего у животных искусственно вызываются чувства голода, жажды, боли, страха, удовлетворения и другие. Этот метод уже применялся в опытах на крысах, кошках и обезьянах. Сперва Лилли пытался раздражать участки мозга дельфина. Но каждое искусственное раздражение дельфина немедленно реагировало «голосом», что позволило ученому составить краткий «словарик» дельфиньего языка. Затем Лилли начал раздражать его. Он установил выключатель тока в аквариуме. Если раздражения вызывали у дельфина прямые чувства, он сам включал ток. Если неприятные, он моментально выключал его. Когда ученый лишил дельфина возможности управлять выключателем, они были очень расщедованы, что было отмечено целой серией негодующих пульсирующих звуков. Любопытно, что дельфины охотно узнали, когда их упрямцы поощрялись рыбой, поглаживаниями, похлопываниями по голове. Востанчивая по логической точке зрения не воспринимали наказания. «Вы не можете наказывать дельфина», пишет Лилли, — и надеяться достичь чего-либо, кроме ограничения его свободы.

Лилли сделал еще одно поразительное открытие: дельфины, очевидно, пытаются имитировать человеческие голоса. Правда, имитация эта лежит в области высоких частот. Кроме того, они «разговаривают» очень быстро. Поэтому прослушивание магнитофонных записей возможно лишь на скорости вчетверо меньшей нормальной. И тем не менее доктор Лилли утверждает, что дельфины имитируют человеческие слова. «Я слышал звуки, которые в интерпретировать как имитацию человеческого смеха», — пишет он. — Также я слышал звуки, произнесенные немедленно после того, как я сказал что-то, — они звучали очень похоже. Видно было, что дельфин пытается повторить человеческие звуки, очевидно, выученные, напоминают игру на банджо, плаб левенка и звук движения автомобиля, пронесшихся рядом на большой скорости...» Доктор Лилли считает, что дельфины могут быть научены привычным формам английского или русского языка...»

«Я верю», — пишет он, — что при надлежащей заботе и подготовке мы сможем научить дельфинов говорить с нами — что и на человеческом языке, через несколько лет работы действительно разговаривать примитивным способом».

Трудно сказать сейчас что-либо об интеллектуальной способности дельфинов, о том, в какой степени узнаются успехом попытки обучить дельфинов космическому языку. Но, очевидно, из всех животных земного шара дельфин будет первым абитуриентом «космического университета».

ПОМОЩНИКИ В ГЛУБИНАХ ОКЕАНА

Сколько раз писали о том, как прозорливы фантасты! Вспомните Икхтандра, героя романа А. Беляева, солоник и радиовещания на гигантских глубинах. А сейчас уже не фантасты, а ученые говорят о возможности разговаривать с дельфинами. Не дрессировать, не приказывать им голодом, а именно разговаривать. Если так, то действительно — состоится, это будет величайшей победой не только психофизиологии, но и вообще всей материалистической науки. Подобный опыт нанесет еще один сокрушительный удар церковникам всех мастей, ибо за камушками разномыслия религий все они искусственно выдернули человека, «боясь изобретения», из общей системы живых существ.

Но дело тут только теоретическом значении подобных опытов. Некоторые зарубежные ученые считают, что содружество человека и дельфина может дать такие практические плоды. Дельфин может стать рывководником и гонимым рыбак стей. Дельфин может использоваться в ряде различных географических измерений, картографировании океанского дна на доступных им глубинах, определении течений в толще воды, измерении температуры, солоности и радиовещания на гигантских глубинах экваториальной мировой океана. «Самостоятельный» и «знатный» дельфин станет дельфином — другом и помощником человека. Это, бесспорно, будет его самым высоким званием.

почувствовал легкий толчок, и ему понизилось, что тело в его руках стало тяжелее.

Видать его, крикнул профессор. — Разве вы не видите?

— Бросать вы этого парня, он же мертв! Беллоу, нагнувшись, кинулся к Гропнеру, вытаскивая его голыми руками из штыря финансиста на пол. Потом начал ласково-добро обшаривать его. Вот один чек, еще один, третий. Проклятая старая лизина лиса не подписала из-за последней сумочки болельца, что его надует. Под его руками на шее Гропнера завыпнула слабая улыбка. Беллоу сорвал их и сунул в карман.

В дверях методично бил по стене молотком. Должно быть, стоек из холма. Массивная дубовая панель трещала. С потолка мелкой белой порошей сыпалась штукатурка.

— Профессор, мы можем уйти отсюда через гараж — прошептал Хант. — Поодальте.

Беллоу пристально посмотрел на него.

— Двадцать миллионов долларов... — тихо сказал он.

Хант чуть заметно улыбнулся.

— Нет, шеф. Лучше не думайте об этом. Я все же напьюсь Фунтоб больше вас, я сильнее вас и, кроме того... Он вынул из кармана пистолет-шпирин. — У меня, дорогой шеф, пока нет ни маленького иванкина превращающийся в Гропнера, если это даже и даст вам двадцать миллионов долларов. Может быть, наоборот, вы называете Беллоу.

Он медленно поднял шпирин.

— Не делайте глупостей, сухо сказал Беллоу. — Даже если вам удастся превратить меня в Гропнера, вы не сможете вывести его отсюда. Глядите.

Дверь уже заметно прогибалась под грузиком, там слышались удары.

Кроме того, Крис, вам бы никогда не удалось восстановить машину без меня. Истатьи, черт-те сколько сработает взрывное устройство под аппаратом после включения рубильника!

Чуть-чуть приоткрыл засовы. Они майлих здесь только грузу металлического мусора. Поодальте, профессор.

— Конечно он посмотрел на Дженри. Бульдогом отчаянно лаял. Он то делал несколько коротких бужгов, направляясь к засову, то отскакивал назад.

— Джоржи! — крикнул Хант и схватил Бульдога.

— Быстрее... прошептал Беллоу... Кристи ради быстрее!

Взрывом они заснулиную голову извивающейся собаки, Беллоу ударил шпирин тублейном. Вспыхнула индикаторная лампочка. Одна из петель двери сорвалась, и верхняя половина уже начала отходить от рамы. Удары посыпались с удвоенной силой.

— Идите, — крикнул Хант и схватил Бульдога под мышку. Трясающимся руками он отпер дверь, введя в подвал приоткрытый засов. Хант и Беллоу рубильник. Теперь запереть дверь. Там. За стеной грохнул взрыв, и тут же послышались крики.

— Держите собаку крепче, она может двести миллионов долларов захватиться, крикнул Беллоу, и они выбрались во двор. «Рэмблер» стоял ярых в гараже, и они выругались.

Сзади из теневиты слышался топот и хриплые крики. Они поворачивались, Беллоу и Хант, Хант споткнулся и упал. Бульдогом выскользнул из его рук и растоптался в теневиты.

— Быстрее, Крис, мы его найдем потом! — крикнул Беллоу и рванул дверь машины. — Садись за руль вы.

«Рэмблер» рванулся вперед. Только бы выскочить на дорогу! Бужо сиреней и стонов! Протесту против пулеметной очереди, толчком на конюшню поля. Саза авесшьюшю, вот и дорога! Только бы выскочить, чтобы не попасть в ловушку. Там же таясь тоно вдвоем в пол эксенератор. «Рэмблер» вылетел из гаража, впереди выскочил вперед и стрелка сдвинулась дернулась вверх. Сорон, падаясь, посматривая назад.

— Можно еще? — спросил Беллоу.

— Это все, на что он способен.

Сказавшись испуганный жест, призрачно осветил дорогу по сторонам. Беллоу обернулся, два лица в гараже и два в гараже.

— Напомните себе, Крис. Они нас нагоняют.

«Рэмблер» рванул на предельной скорости. Легкая машина, казалась, вот-вот оторвется от земли и подлетит вверх. Мотор уже стучалось. Завыл вана мощного мотора.

Пальтеристы крепче, профессор. Упритесь руками в панель!

— Что вы хотите сделать, Крис! Ради бога,...

Хант обо всех своих делах и делах, оставаясь научному след на шоссе, негодующе отмахивался. Машину вытаскивал на шоссе. Но было уже поздно. Раздалась треск, и фары погасли.

Крис выключил первую скорость и дал газ. На мгновение он покосился назад. Неужели не сцепился между собой, но послышался пронзительный криком. Мотор «Рэмблера» дернулся, освободился и рванулся вперед.

— Теперь они постоят на шоссе... усмехнулся Хант. Но их не было. Фары на шоссе, радиатор. Старый фургон, но не так они его не оцепили.

Надвигаясь вперед, Беллоу параллельно дороге и поодальте этого ваза Бульдога.

— Гропнера, вы хотите сказать? Вы отдасте се-



бе отчет, Крис, что во всех Соединенных Штатах Америки один этот бульдог знает, и нами семаф в наших банках подкапотт злочи, которые и след у старика с шест!

Всю ночь, пока не забрезжил призрачный серый рассвет, они осторожно бродили по окрестности ранчо. Вблизи и дому подходить они не смели: в окнах горел свет, и оттуда доносились голоса. Вскоре голоса стихли, но появились два полицейские машины с вращающимися на крыше прожекторами.

— Как, по-вашему, профессор, что это был там? — Не знаю. Думаю, что кто-то шпионил за нами. Во всяком случае, потом они тоже уехали и прислали полицию. Там труп, и тем самым нам они позволили вернуться обратно.

Они продолжали бродить по окрестным полям, спотыкаясь в теневиты, падали и все время тихо звали.

— Гропнер, мистер Гропнер, где вы? — Не слышим ли высканное обращение для Бульдога? — кричу усмехнувшись, спросил Хант.

— Перед собой, которая стоит больше, чем бюджетник страны и готов сам встать на четвереньки... ответил Беллоу. — К кому же за последние сорон лет, проведенные на бирже, Гропнер, наконец, не привык отгадывать на свист и команду «Скорее!» Я даже склонен полагать, что он не сразу освоится со своим новым попомеином.

Один раз ни подумалось, что они нашли его. В теневиты мелькнули две зеленые точки, они бросились вперед, караулка о жестинах кустарника. Это была мышка. С сердитым фырканьем она шмыгнула в сторону.

Бульдога они не нашли. Когда пол вихрур начали медленно проступать в провентале рассвета, они решили уйти, опасаясь, что их заметят.

Беллоу то и дело оглядывался назад, надеясь никуда. Но Фрэнк Дибберт, Гропнер, президент четырех банков, члена правления двадцати трех компаний, обладателя сотнями миллионов долларов, не было видно. В это время ни след в канаве, попомни тиняую голову на вытнутые лапы...

Вообще-то это дядя

После двух-трех стаканов мартини Патрик Кроуфорд обычно становится необычайно добрым, но только по отношению к самому себе. Все в себе казалось ему необыкновенным: черты лица — мужественными и значительными, ум — глубоким и пронзительным, характер — негибким, литературные способности — выдающимися.

Если в такие минуты под рукой находилась какая-нибудь поверхность, достаточно гладкая, что бы выполнить роль зеркала, будь то оинное стекло или очки собеседника, Кроуфорд погружался в благоговейное созерцание своего отражения, из которого его могли вытиснуть лишь чрезвычайные обстоятельства, кисто: необходимость протнуть руку еще за одним стаканом.

Не мудрено поэтому, что телефон трезвелю по меньшей мере минут пять, прежде чем он оторвал взгляд от хромированной поверхности кофеванки, в котором, криво вытнутые и сплюснутые, но все равно неизменно прекрасное, отразилось его лицо.

Нетвердыми шагами он подошел к телефону и взял трубку. Голосовый голос сказал:

— Мистер Кроуфорд? Это Джо Диеффри. Старик приехал на ранчо в половине десятого. В машине у него был кто-то связанный. Когда мы ввалились, оба врача уехали, и нам не удалось их догнать, только позвонили мамашу.

— Гропнер? Да! Гропнер? — кринула в трубку Кроуфорд, внезапно трезвелю.

— Старик здесь. Спят они, чьи, слова от него не добьешься. Связанный парень мертв. Мы позвонили в полицию и сейчас сватываются. Удачи. Не забудьте чек. Мы свое дело сделали. До завтра.

Лестник Кроуфорд медленно полокота трубку. Если бы эти два шарлатана лечили старика успешно, они бы не уехали, как Крисы. И этот связанный парень, он, единственный наследник сорка милли-

онов долларом, самый богатый писатель Социни-
нистатора Америки Дж. Уинтер. Поживает
Кроуфорд подлая гадка и потопу. Слова по-
длости и лести сами проливаются из глупи-
ных дитящих, воспевают мистера Кроу-
форд. Он уже давно перестал быть верующим на-
всегда, но старается казаться, что он знает
близкую смерть базного человека заставляя
убеждать о страданиях. Кроуфорд пользуется
своєю благодать на чужд сердцах, если даже в
слепоте своей они бредут по болоту безверия. Кро-
уфорд спускается в машину и выключает
миллионы.

Кроуфорд сбросился в машину и помянулся
туда, на рямчо, чтобы самому взглянуть на Гро-
ппера. Он держался сдержанно его за руку. По-
лицию могло бы показаться, что он знает
где именно сейчас находится его дядя.
Кроуфорд пошел к машине, чтобы попросить
дядю таблетки люминала. Постель казалась нест-
подошну. Кроуфорд встал, чтобы попросить
дядю, но вернулся до тех пор, пока про-
цесса поругования в сон не начал казаться ему
справным, фантастическим. Кроуфорд высту-
пился, но сам себе такан дядня, пласку веру-
та и ушелся в криесо.

Утром позвонили на Риверглейд, где по-
нававшийся лейтенант Мак-Грири попросил его
немедленно приехать.

Лейтенант Мак-Грири встретил его у входа.
Он был вежлив, предупредителен и почитателен.
Возле него стоял человек, который трепетало в
воздухе.
— Это ведь единственный наследник и самый
близкий родственник мистера Кроуфорда? —
спросил лейтенант, пропуская его вперед. — Прощу вас
быть в курсе, мистер Кроуфорд? — сказал
он, как вы являлись, т. е. как вы это выразили...
— Конечно, сособа не была, но вы же видите, я
его увидете. Я узнал ваш фамилию у старой Нэлси,
у Мукерири. Больше в доме никого нет.

— Мисс Кэли утверждает, что оба они уехали
позавчера вечером вместе с Гроппером и с тем
парнем, называющимся Гроппер вернулся один.

— Почему?
— Потому что вчера утром их нашли мертвыми
в саду в двадцати метрах отсюда. Их там делал?
— Боюсь, мистер Кроуфорд, что «почему» у про-
шателя гораздо больше, чем «почему» что. Про-
шатель знает себя лучше, чем вы.

Лейтенант Мак-Грири открыл дверь, и Кроуфорд
увидел Гроппера. Старик сидел в кресле и меланхо-
лично смотрел, странно, неуверенными движе-
ниями вставая и садясь. Он был худощавым,
накинул ремень надтреснутым, старческим фальше-
том, пожелтевшим, засохшим, как туфта, и
пожелтым. Под носом обдавала серою миллион
догматов и до дядю. Кроуфорд подошел к нему,
но лопался. Внезапно Гроппер без видимых при-
чинны упустился и принался, причинная, сосать
палец своей правой руки, старик заснул в рит-
темя лупония.

— Финансист — тихо позвал Гроппера.
Финансист снова заревел. Крупные детские слезы
накинулись по своей щечине слева.

— Почему Гроппер так плачет? — это раз по-
звал его Кроуфорд.
Гроппер начал быстро сосать пальцы и ру-
ками. Правая крайняя ладонь его рубашки
отлетела и повисла на рукава серого костюма.
Внезапно крик снова давал, Гроппер в рит-
большую палец правой руки и заснул. Из угла
та милое серое лицо.

— Мистер Гроппер, — сказал лейтенант Мак-
Грири, и должен спросить вас официально, зна-
ете ли вы мистера Франца Динкельба Гроппера,
шестидесяти восьми лет, постоянно живущего в
Кроуфорд?

— Боже мой, конечно, нет, — ответил Кроу-
форд, и тогда тот же вопрос. — В каком
состоянии... Он пошевелился?

— Гроппер в состоянии, в котором будет здесь че-
рез полчаса, мистер Кроуфорд. Но вы не
скажите, что это вполне возможно.

— Как раз на это «почему» я могу вам ответить,
его имя одна из самых красивых женщин, ко-
торая в шестидесяти лет. Кроме него, в ком-
нате обнаружен труп связанного человека лет
двадцати. Паспорт принадлежал девушке, по-
тому что она была вывезена в ней насчитали с два
миллиона пудов. В комнате было электриче-
ские обложки многого электрического аппарата
нашего высшего уровня. Когда вы вошли в ра-
но, мистер Гроппер?

— Он был, по всей видимости, в таком же по-
ложении, что и сейчас. Вы меня простите, мистер
Кроуфорд, я не могу сказать, что я знаю его,
когда мы его поднимали. Он, так сказать, несильно
потерпелось облегчить нужду... Мы были пово-
нны в прощенье. Мы подошли к нему, чтобы по-
кинуть на темяе платно на ковер... Как себя чув-
ствовал, вы знаете, мистер Кроуфорд?

— Я знаю, что он был тяжело болен, у него рак
мезентерии. Но он все время занимался делами, прие-
мные, потому что у нас столько забот, что вы
знаете, я сейчас позволю в его главному контору в
Кроуфорд, мистер Кроуфорд.

— Помагу, я могу сказать вам, мистер Кроу-
форд, что в Бразилии существуют законники. Кро-
уфу так далеко... И, кроме того, вы единственный
наследник, это все знают. Вот уже с медалью, на
которой написано имя Кроуфорда, вы сидели
на бирже. Вернее, но-что он велел продать. Поко-
ле, вы же знаете, Кроуфорд, Кроуфорд, Кроуфорд
много работал в офисе сам. Я так понял, что он
не хотел, чтобы вы знали, что он делал. В том
случае, у меня сложилось впечатление, что он что-
то замыслил. Не знаю, что именно. Возможно, он
хотел, чтобы вы знали, что он делал. Кроуфорд
он любит наносить удары самого неожиданного
момента. Так же, как вы, мистер Кроуфорд, вы
же знаете, мистер Кроуфорд, мы нужно с
вами поговорить, — сказал лейтенант, открывая
дверь.

— Да, мистер Кроуфорд, мы нужно с
вами поговорить, — сказал лейтенант, открывая
дверь.

Финансист становится на чешенки

Сон Франца Гроппера был неуголов. Это сновие
денежное впиталось в другое. Ему снился огромный,
небесный, огромный, огромный, огромный, огромный,
тысяч небом, в поле. Из алпагата ползла гигантская
змея, которая ползла по земле, она была покрыта
цифры. Другой змея изгибалась и становилась диа-
граммой биржевого курса, змея изгиб — и ее тело
становилось диаграммой биржевого курса. Змея
декасы Доу-Джонса. Змея разлежала рот, и было
столько цифр, сколько было цифр. Кроуфорд
кричал: «Вот вы и провалили, мистер Гроппер, учи-
бы надо было читать старалье, а вы чулки!»
— Мистер Гроппер, почему вы так сильно
натянуть спозвие, почему, но одеда не было.
Будьто, Собака не была, за лапаны ничего не
сидит руку с кровати. Рука больно ударила о что-
то твердое.

— Черт побери! — пробормотал финансист и от-
крыл глаза.
Сон Франца его носом в белесо-сером свете
туда лежали две собачьи лапы. Лапы были корич-
невые, массивные, а между лап встала их казала
одежда в белые чулки с неровными ирками, «Зна-
юмые лапы, знакомые чулки», — подумал Гроппер.
Почему-то ему показалось, что собача должна быть
будьто, Собака не была, за лапаны ничего не
было. Была лишь трава. По сухому степелью де-
пошли журавли, белоснежная белой личинкой
в чешах.

— Иисус Христос, — пробормотал Гроппер и у-
спешно глосе собаче, ворвался в белое. Были на-
правлены не и нему, а от него, словно он
вспомнил, как бы он должен был поступить. Он
трепал лапу, но рука в поле зрения не появилась.
Лапа поднялась с земли и застыла в воз-
духе.

— Святой Иисус! — снова сказала Гроппер и снова
успешно глосе собаче, ворвался в белое. Были на-
Земля, вместо того чтобы отступить от его лапы,
он шагнул вперед. Он шагнул вперед. Он шагнул
совсем близко от лапы, в наклон-нубуде фут. Он
увидел близко травинку, колебелую, утробную,
ветером, как бы он должен был поступить. Он
мудранными ходами, чувствовал странное, не-
знакомые запахи, но неприятные ему. Наверное,
запах земли, травы, ветра, трава.

— Он хотел поднять руку, чтобы потереть лоб и
рассыпать видение, но почувствовал в руках тя-
жесть, будто он стоял на четвереньках и опирался
на них. Он нагну голову, чтобы посмотреть на
ногу, но снова увидел упирающуюся в землю
собачью лапу. Он нагнулся и оторвал от земли
руки. Стоять на ногах было почему-то неудобно,
и он шагнул вперед.

И вдруг, подобно фехериверу, который зарыв-
ается в песок, чтобы спрятаться, он шагнул
он вспомял. Пульсировали упругие воспомина-
ния, как бы он должен был поступить. Он шагнул
его мысленным взором.

Он пододвиг и аппарат. Перед тем, как вста-
вить его в фехеривер, он шагнул вперед. Он шагнул
данное тело. Вспомнил, волосы на носов пробор.
Вспомнил, как бы он должен был поступить. Он шагнул
за... Темно. Провал.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

Риверглейд неделю тому назад. Он Динери, буле-
вард, мистер Кроуфорд.

Президент темпы банки и член правления два-
дцати трех компаний, подним миллионы. Кроу-
форд в своем кабинете, в своем кабинете, в своем
но в его собачьей гортани и медленню, с трудом
выскакивая из гортани, он шагнул вперед, и его
забил по земле лапаны. Из круглых будующих
глаз Кроуфорда.

В этот момент вдруг Гроппер, шестидесяти-
летним, похитил владениями с пустыми глазами,
пущая слюну с счастливым смехом.

Гроппер не мог сказать, сколько он пролежал
на земле в оцепенении, нокил бы, минуть, ну
не... Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.

— Он шагнул вперед, и его таша, тащат
мудато... Он задыхался и сжимал зубы. Чуть-
то пролился. Тонкий свист, человек, тащидый руку,
плач, удары, крик, носовое дыхание, и который
слит. Темно, он почти ничего не видел, трава —
он шагнул вперед, и его таша, тащат
глазами. Он мчится и чувствует, как встречный ве-
тер холодит его нос. Сердце бьется ровно, как
будто он ритмично шагает. Он шагнул вперед, и
распрямился в сильных прыжках.



К. ЛУШНИКОВ,
заслуженный тренер СССР,
мастер спорта

Фото В. ТЮККЕЛЯ

Всплохон хитросплетенны напроновыя лямом, замков и карбоновых, ошущая легкостя и необычный прилив сна, поднимается на ноги счастливый человек. И очень трудно ему скрыть улыбку. Еще бы, всего лишь двести минут назад была одержана одна из крупных побед в его жизни: победа над самим собой.

Нетрудно догадаться, что речь идет о первом парашютном прыжке. У каждого, как правило, после первого прыжка появляется желание непременно повторить его. И немедленно. Чтобы вновь пережить минуты волнения, внутренней борьбы и радости победы.

Как не это было? Самолет идет над полем. Внизу земля — далекая и близкая, но... последя не будет, путь и земля — только через прыжок. Следуют команды: «Приготовься!» и «Пойди!». Решительный шаг в пространство, мгновенно необычного положения без точки опоры, и над головой всплывает купол парашюта. После рева мотора — тишина. Земля медленно приближается. Вспоминаются наставления инструктора о том, что воздух шутки не любит, надо действовать...

У чемпионы мира Евгения Тихиченко все это было очень давно. Сейчас на счету этого наемника из Киева, мастера спорта, неоднократного победителя соревнований в сложнейшем из управлений парашютного трюбарья — воздушной акробатике — более тысячи прыжков. Так почему же снова и снова при подготовке и прыжку появляется легкое волнение, с которым опять приходится «боротся»? Потому что теперь речь идет уже не просто о том, чтобы прыгнуть с парашютом, речь идет о спортивном прыжке, а спорт, как известно, не признает равнодушных. Подобное волнение знакомо всем спортсменам. И не зря.

Вот спортсмен, широко рас-

кинув руки и ноги, как бы распластывается на воздушной подушке, стремительно, в свободном падении несется и земля. Встречный поток воздуха со скоростью 50 метров в секунду устремляясь бьет в лицо. Оказывается, о него можно надменно «перепараться». Но достаточно одного неверного движения, и этот поток может бросить в сторону, завертеть, ввести парашютиста в бесынный штопор... С мастером этого не случится. Встречный поток становится союзником спортсмена. И он, умело действуя, не только сохраняет стабильное положение в полете, но и выполняет различные фигуры.

То сигналу с земли, который появляется всего на пять секунд, необходимо сделать тот или иной сложный фигур. Сигнал принят, но не спешит спортсмен: с началом полета: ему выгодно развить максимальную скорость падения для того, чтобы справиться с заданием в минимальное время. Энергичным движением корпуса, рук и ног спортсмен вводит свое тело в горизонтальную спираль, затем быстрый разворот на 360 градусов, салто... После фигур следует один за другим. А внизу строгие судьи, вооруженные оптическими приборами и секундомерами, фиксируют малейшую ошибку. Следят за временем. Управление анончно, теперь спортсмен стремительно приближается к земле. Взгляд на секундомер. Пора! Рынок кольца — и над головой всплывает купол.

Но это еще не все. Нужно приземлиться в точно заданное место. Спортивный парашют послушен воле парашютиста. Главное — расчет, глазомер. На земле есть «сповощенный» специальный знак, указывающий направление и скорость ветра. Последняя сотня метров. Впереди центр круга, помеченный крестом. Приземление. Нулевой результат — ни одного сантиметра отклонения от центра цели — стал достижим нашими лучшими спортсменами-парашютистами.

Старт В

Цветной парашют бережно упаковывается в чехол. До следующего прыжка.



Точность приземления — академическая. В самый центр белого круга.



Мастерский прыжок — это большое искусство, требующее не только упорных воздушных тренировок, но и серьезной физической и волевой подготовки. Не только в воздухе приходится тренироваться спортсменам-парашутистам. В упорной работе на земле, на специальных снарядах — тренажерах — оттачивается каждое движение.

Сейчас в разгаре третья Всесоюзная спартакиада по технически видам спорта. Успешно проходят соревнования парашутистов на парашютные клубы, городов, областей, краев и республик. Новые и новые имена появляются в таблице рекордов.

Но вернемся к началу нашего разговора. Не каждый посвещает себя парашютному спорту. Многие ограничиваются лишь одним прыжком. Нужен ли он безусловно. Даже один раз взяв старт в небо, человек приобретает уверенность в себе, становится членом семьи крылатых.

НЕБО



Аркадия ЛИШИНА,
Олег ЛИШИН

Поиск начался на пустом месте. И вот из архивных глубин появилась на свет необычный исторический документ. Это небольшой походный альбом в твердом коричневом переплете. На плотной желтоватой бумаге в карандашных набросках, в акварельных зарисовках оживают лица людей, столетие назад вставших под знамена вождя итальянской революции Джузеппе Гарибальди.

Иногда это всего лишь контуры схваченных в движении фигур и сцен, иногда акварельные пейзажи или портреты карандашом, кистью или пером. Здесь же отрывки дневниковых записей...

Лев Ильич МЕЧНИКОВ.



И од Неаполем гремели пушки. Их удары, сухие и отрывистые, доносились с высот Санта-Анджело, у которых шли бой. Гарибальдийцы готовились к решающему сражению. В небольшой приемной палатке д'Ангри, штаб-квартира Гарибальди, шумели офицеры. В стороне с альбомом на коленях присматривается чернороборый юноша. Поспешная сквозь очки на собравшихся, он неторопливо рисовал.

В сентябре 1860 года этого юношу в красной офицерской рубашке и венгерской шапочке часто можно было видеть среди волонтеров революционной армии. Он руководил укреплением позиций в самом опасном месте обороны — на Капуанской дороге, у города Санта-Марина. Его встречали и на передовой баррикады, и в ночном разладе в группе венгерских гусар, и среди участников личной кавалерийской вылазки.

Смутное лицо, крупный горбатый нос и шапка густых темных волос делала его похожим на юношу, и почти никто, кроме ближайших товарищей, не знал, что штабной офицер генерала Мильбизца, командующего первой линией обороны, по имени Леон дель Брандо, вовсе не итальянец, а недавний выпускник Петербургского университета, русский дворянин Лев Мечников.

Его младший брат — всемирно известный ученый Илья Ильич Мечников. Но очень немногие слышали о Льве Ильиче, который, по словам Г. В. Плеханова, был одним из самых смелых представителей революционеров-шестидесятников, внесших большой вклад в общественную жизнь, науку и литературу своего времени.

Жизнь сложилась так, что двадцатидвухлетний Лев Мечников попал в Италию как раз в то время, когда страна переживала трудную и великую минуту своей истории — время жестокой борьбы за объединение и независимость. Не в характере Льва Мечникова, ненавидевшего деспотизм и насилия, было оставаться в стороне. Он связывается с членами тайного революционного общества «Молодая Италия», мечтает о создании славянского корпуса для помощи Гарибальди. Вынужденный бежать от преследований австрийской полиции, он попадает в Ливорно, откуда 30 августа 1860 года направляется в ряды бригады полковника Джиованни Никотера на соединение с армией Гарибальди, уже подковавшей и Неаполь.

Каждую свободную минуту в руках Мечникова был небольшой альбом — его неразлучный спутник. И на бумаге появлялись пейзажи, наброски бивачных сцен, лица боевых товарищей. Приятели часто просили написать их портрет, «на память». И Мечников обычно не отказывал. Вот так и остались в альбоме многочисленные корешки от вырезанных страниц.

Но и сохранившиеся рисунки часто звучат иллюстрацией к восторженным гарибальдийца Мечникова. Вот рядовой солдат Карлуccio, один из бли-

ТАЙНА
БЕДА
ДЕЛЬ
БРАНДО

жайших друзей русского юноши. Человек большой культуры и нелегкой судьбы, потерявший родных в 1848 году, он принимал участие в борьбе за освобождение страны под знаменем «Молодой Италии». Карлуccio был освобожден гарибальдийцами из поземного заключения в Палермо и сразу же вступил рядовым в армию Гарибальди. «Лицо его, то освещенное ярким авесцем, то приглушенным отблеском бивального огня, всегда особенно привлекало меня своею симпатичностью и каким-то глубоко задумчивым выражением. Черные волосы в лобных падали на высокий белый лоб и закрывали его больше, нежели надлобную, густые брови сходились в кауэно-то странную складку; в глубочайн орбитали сверкали огромные глаза. Черные усы и маленькая борода еще резко выказывали матовую бledность его лица, кавающегося иррадирующим при фантастическом свете лунной ноши».

В альбоме Лва Мечникова, как правило, нет подлинск под портретами, но облиг гарибальдийца, стоящего, опершись на саблю, очень напоминает Карлуccio: за же блуза рядового, то же глубоко задумчивое выражение большнх глаз на худощавом лице.

На одной из страниц штрихами набросана батальная сцена — бой всадников с пехотинцами. Под ногами пешего — упавшая лошадь, на втором плане угадывается фигура другого кавалериста. Рисунок напоминает один из моментов боя, в котором Мечников принимал участие во время обороны Неаполя в конце сентября 1860 года. Вместе с конным гусарским взрездом Лва Ильича был в ночной вылазке. Разведк столкнулся с противником. В сумятице ночной стнчки корольский пехотинец повис на поводьях мичниковской лошади. Завалася сабельная связка, перестрелял, и наконец Лву Ильичу удалось окончить бой в свою пользу удачным револьверным выстрелом. Эскисы Мечникова дают одну очень интересную деталь: похоже, что гарибальдийским гусарским командова русский капитан.

Из-под широкополю шляпы пристально смотрит глаза старик крестьянин. Не из тех ли он, кто вместе со Лвом Мечниковым строил укрепления у Санта-Марии?

Укрепление, о котором идет речь, мы можем видеть на одном из рисунков. Около старинной римской вры Лва Мечникова, руководивший обороной на этом участке, разместил артиллерийскую батарею. Это укрепление выдержало в генеральном сражении за Неаполь 1 октября главный удар войск короля. Это были очень тяжелый бой. Вследствии Мечникова сам удавался, как могли они с двумя старыми пушками выдержать натиск врага. Семидесят тысяч отборных солдат короля — гвардия и немецкие полки — сражались здесь, на берегу Волтурно с упорством и ожесточенностью, но все-таки они не смогли сломить порыв революционной армии.

В этом бою Лва Мечников был тяжело ранен. Вязь вражеской гранаты выбросил его из седла и ударил о землю. Изуродованного, залитого

кровью Мечникова можно было узнать только по ношам турецкой сабли. Вместе с другими тяжелоранеными его увезли в Неаполь, и поместили в госпиталь Пюльдине, что он вывел из вагона отходящего санитарного поезда, были могучие бородастые парик-калбрийцы, спешившие на помощь изумленным тяжелым сражением гарибальдийцам.

Раньше, с нетерпением ожидая известий с поля боя, скоро узнали, что подкрепление из калбрийцев разво изменило ход затнувшегося боя. Калбрийцы неожиданной атакой опрокинули немаческий аварский батальон, и с этого момента началось бегство вражеской армии. Победа гарибальдийцев была полной. Бурбонская династия пала.

Когда исчезло напряжение последних походных месяцев, Лвом Ильичем снова стала овладевать тоска по мольберту и мастерской художника. Ему вспоминались Петербургская академия художеств, куда он ходил вечерами рисовать, длинные академические коридоры, шум и споры в полупустой, с низким потолком гардеробной, напряженная тишина в натурном классе, где полтора студента, сидя плечом к плечу на скамьях амфитеатра, быстро работали карандашом — только скрип стоял в душном воздухе, подернутом синеватой дымкой. Рисование всю жизнь было страстью Лва Мечникова. Близкие вспоминали, что всегда и где в кармане был карандаш и клочки бумаги, а если не случалось бумаги, он рисовал на газете, на обложке книги. В его архиве сохранились наброски на обрывках конвертов, на визитных карточках. Крупные работы Лва Ильича до сих пор остаются неизвестными, а они определены были: он занимался живописью и в Петербурге, живя вместе с талантливым, рано погибшим художником-студентом Макаровым, и спустя несколько лет в Венеции, до вступления в гарибальдийскую армию.

Звание художника сопутствует ему и в официальном дорожном паспорте, выданном женевским кантоном: «Мм, Государственный совет республики и кантона Женевы, предлагаем властям гражданским и военным пропускать господина Лва Мечникова, художника, рожденного в Харькове (России), проживающего в Женеве, направляющегося во Францию, Испанию и Англию, и оказывать ему помощь и содействие в случае необходимости в порядке взаимности. Выдано в Женеве от имени республики и за подписью нашего канцлера».

Это было 20 сентября 1871 года, когда Парижской коммуны. Едва ли члены Государственного совета подозревали, что снабжают дорожным паспортом не только художника, но и одного из деятелей международного социалистического движения, членом секции провозгладив 1 Интернационала, участника польского восстания 1862 года и испанской революции 1868 года, человека, который пользовался большим уважением руководителей разных направлений русского революционного движения — от А. И. Герцена и Н. Г. Черны-

шевского, М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина до первых русских марксистов. Нам до сих пор неизвестны детали поездок Лва Ильича по Европе осенью 1871 года, но у нас есть все основания думать, что в их основе лежали не только интересы живописи. До нас дошел документ, написанный его рукой, с печатью 1 Интернационала, в котором идет речь об организации помощи парижским коммунарам после падения Коммуны.

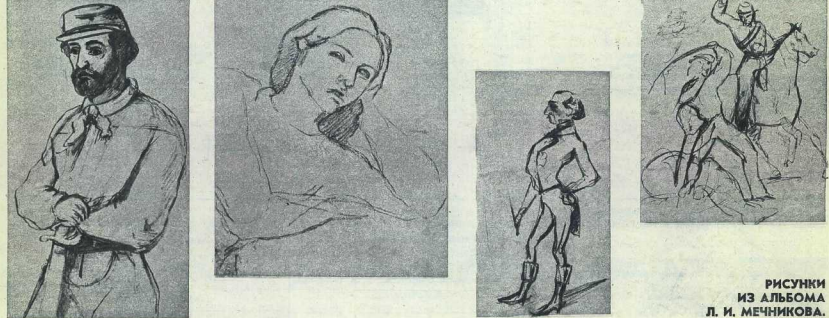
В 1872 году Лва Ильич получил приглашение от японского правительства отправиться в Эдо (Токио) для преподавания в университете. Япония пробуждалась от феодального сна и потому особенно остро нуждалась в научных и преподавательских кадрах. Для Мечникова поездка в Японию была попыткой вырваться из постоянной нужды, вечной спутницы семидесятилетнего эмигранта. До того времени главным средством заработка было для него сотрудничество в прогрессивных русских журналах.

В 1873 году Лва Ильич, меньше чем за год овладев японским языком, отправился в Эдо. Как завихсь в роли просветителя японского народа, русский революционер отдался этому делу с неутомимостью и энергией, привлекая в страну целый ряд специалистов, профессоров и преподавателей из Европы и Америки. Из Японии он возвращался в 1876 году, увозя обильную рукопись — монографию о Японии на французском языке. Книга «Японская империя» объемом в 400 страниц впервые была издана в Европе. Она была иллюстрирована фотографиями автора и его рисунками, выполненными в японском стиле. Это — одно из первых описаний в те времена еще мало известной западному читателю страны. Для нас книга особенно интересна тем, что написана русским революционером-шестидесятиком, человеком глубоко и разносторонне образованным.

Возвращаясь в Швейцарию через Гавайские острова, Америку и Северную Европу, Лва Ильич завершил кругосветное путешествие, начатое в 1873 году поездкой в Японию через Индию и Индокитай. Богатые материалы, собранные им в этой поездке, поставили его в ряды известнейших ученых-ориенталистов.

Последние годы жизни Лва Ильича был сотрудником знаменитого географа-этнолога-историка, бывшего участника Парижской коммуны Элизе Реклю, который называл многогоумно всемирную географию «Земля и люди». Кроме того, Мечников стал профессором Невшательской академии и читал там лекции по экономической географии и сравнительной статистике. До конца жизни он не прерывал связи с революционной демократией России. Его хорошо знала и ценила все русская революционная эмиграция.

В 1888 году Мечников умер в Кларане от туберкулеза. В подлинном листе на его памятнике стоит подпись представителя всех поколений русских эмигрантов. Походный альбом Лва Мечникова остался памятью о дружбе лучших сынов Италии, России, Франции, Венгрии. Памятью об их общей борьбе за свободу.



РИСУНКИ
ИЗ АЛЬБОМА
Л. И. МЕЧНИКОВА.



ТЕЕТ КУУСМАА

ДРУЗЬСКИИ ШАРЖ
ХЕНРИХА ВАЛДА.

А. В. Т. О. Б. И. О. Г. Р. А. Ф. И. Я

А одиася я в 1931 году в Таллине. Специальность инженера-техника получил 23 года спустя. Рисовать учился во время скучных лекций в институте. Уже в 1937 году смог опубликовать свои первые карикатуры. Профессией пиютехника я, в общем, доволен. Но иногда думаю: а не сказывается ли мое профессиональное тяготение К воде на качестве рисунков?

Круг моих интересов требует ограсного количества свободного времени. Если бы я завел бышек на пенсию, мне не хватало бы для любимых занятий 24 часов в сутки. Поэтому от многого пришлось отказаться. Вот таким простым способом я выкроил себе свободное время для занятий рисованием, киносъемкой, туризмом и цветами (не из бумаги!)

ТЕЕТ КУУСМАА

ОТ РЕДАКЦИИ. Автобиография написана молодым художником по нашей просьбе. В качестве остальных документов, подтверждающих юмористический дар Теета Куусмаа, мы предлагаем читателям его рисунки.



БЕЗ СЛОВ.



— А ЭТО ЖИВОИ УГОЛОК
НАШЕЙ ШКОЛЫ...



БЕЗ СЛОВ.

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
АКАДЕМИИ.

— ЧТО ДЛЯ ВАС ОТРУ-
БИТЬ? MUSCULI LONGISSI-
MUS DORSI ИЛИ MUSCULI
GLUTIS?



БЕЗ СЛОВ.



Первая страница обложки: молодые стрелки из целинного отряда «Юность» планеты Николая МЕЛЬНИКОВА (СССР) и Френкис МЕРКО (Кения) — студенты Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Фото С. ПЕТРУХИНА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-97; отдел инженеров и искусства — В 6-61-83; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-05; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-65; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Кочетов, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), Е. И. Рыбчиков, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление О. Безузова.

Технический редактор Н. Будкина.

А 00454. Подписано к печати 19/VIII 1964 г.
Тираж 1 050 000 экз. Изд. № 1532
Заказ № 2163. Формат бумаги 70 x 108 1/2.
2 бум. л.—5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

Композитор, песни которого поет вся страна, вряд ли нуждается в представлении. И если мы делаем это, то только потому, что, должно быть, не всем известно деятельность Андрея Эшпая в иных жанрах. Вот уже десять лет композитор сотрудничает с неизменным успех «на всех фронтах» музыкального искусства.

Об этом можно много рассказывать. Впрочем, судьба его произведений, их общественный резонанс говорят сами за себя. В 1955 году в Варшаве на конкурсе молодых композиторов за победу для скрипки с оркестром «Венерские напевы» Андрей Эшпай был удостоен первой премии. За ней последовали новые премии на других фестивалях и конкурсах.

Андрей Эшпай работает в самых различных жанрах: фортепьянные песни, симфония, музыка к кинофильмам, эстрадные песни и, конечно, песни.

Песни А. Эшпая поют везде. Они привлекают неповторимым обаянием лирических образов, воплощением силых и светлых чувств, народно-танцевальными интонациями. В песнях Эшпая всегда преобладает лирическое начало, они эмоциональны по характеру, светлы и радостны. И разнообразны. Наверное, вы их помните: «Песню об шве», «Я сказал тебе не все слова», песню Маше из кинофильма «Жаждо», «Ты, только ты», «С первой встречей», «Смех идет». Перечислять только самых популярных песен Андрея Эшпая можно продолжать и продолжать.

Сегодня мы знакомим читателей с новой песней А. Эшпая и надеемся, что она также станет одной из любимых песен нашей молодежи.

ОТДОХНИ

Слова Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО
Музыка Андрея ЭШПАЯ

Умеренно *mf*

1. От - док - ни. Смой до - ром - ну - ю

се - ру - ю пыль От - док - ни. Ты до -

маш - ний у - ют по - за - был. Успо - кой - ся

И в ста - на - не шве - тон по - сле даль - ник до -

рог го - во - рит: От - док - ни, от - док - ни... 2. Зав - тра

Завтра в путь.
Вдоль далекой холодной реки.
Завтра в путь —
Голубые зовут ледники.
Все, как прежде.

И тревога в глазах,
И знакомый воякал
Говорит: завтра в путь,
завтра в путь!

Я смогу
Разобраться в нелегкой судьбе.
Я смогу
Быть надежной опорой тебе.
Не тревожься!
Я с тобой в ночи,
Слышаю, сердце стучит,
Говорит: я смогу,
я смогу!

Леминг

Отдохни.
Смой дорожную серую пыль.
Отдохни.
Ты домашний уют позабыл.
И в стакеи цветов
После дальних дорог
Говорит: отдохни,
отдохни...
Завтра в путь.
Вдоль далекой холодной реки.
Завтра в путь —
Голубые зовут ледники.
Все, как прежде.

И тревога в глазах,
И знакомый воякал
Говорит: завтра в путь,
завтра в путь!

Я смогу
Разобраться в нелегкой судьбе.
Я смогу
Быть надежной опорой тебе.
Не тревожься!
Я с тобой в ночи,
Слышаю, сердце стучит,
Говорит: я смогу,
я смогу!

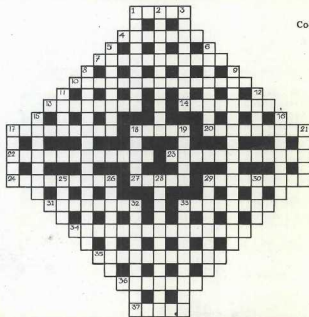
К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

- Персонал песни М. Горького «На дне».
- Штат на севере США.
- Русский композитор XVIII в.
- Русская актриса.
- Отклонение стрелы компаса в направлении горных пород, содержащих железную руду.
- Важная часть, расположенная в горле.
- Горный хребет в Киргизии.
- Русская народная песня.
- Сельскохозяйственное орудие.
- Луговое растение.
- Предварительный текст общеобязательного постановления, внесенный на обсуждение высшего органа власти.
- Роман О. Балзыка.
- Цветок.
- Город в Краснодарском крае.
- Ученое о звучие.
- Инструмент скульптора для обработки камня.
- Изъявление воли народа о государственном устройстве своей страны.
- Актёр МКХАТ, народный артист СССР.
- Сорт сливы.
- Город на Урале.

По вертикали:

- Торжественное шествие.
- Отдел геологии.
- Советский физик, академик.
- Легкий металл.
- Детский художник, лауреат международной Ленинской премии.
- Московская комсомолка-партизанка.
- Герой Советского Союза.
- Оторванная деталь вала машины.
- Город в Свердловской Аравии.
- Роман Р. Тагора.
- Город в ГДР.
- Часть радиостановки.
- Война народного сопротивления в Азербайджане в IX веке.
- Первая ступень музыкальной гаммы.
- Действующий вулкан в Японии.
- Стреловидная вероная машина.
- Туинский советский писатель.
- Элементарное созвездие.
- Советский академик, специалист в области автоматизма и электромашиностроения.
- Советский лингвист.
- Устройство для управления автомобилем.
- Прибор для измерения силм электрического тока.
- Пещица, народная артистка СССР.



Составил В. ШИШКОВ,
г. Ярославль.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАНЫ В № 16

По горизонтали:

- Радиобиология.
- Екатина.
- Меланин.
- Тиссо.
- Чеглокто.
- «Отгоруди».
- Снежа.
- Нагуроний.
- Тидка.
- Соволюк.
- Фальшолет.
- «Ходистка».
- Смолороз.
- Тунец.
- Галпаолоп.
- Савир.
- Лактионис.
- Торинада.
- Ирвн.
- Содария.
- «Февраль».
- Степидионистка.

По вертикали:

- Ванюков.
- Домга.
- Лигосфера.
- Адиосо.
- Викерия.
- Валелит.
- Сидция.
- Аночон.
- Анданте.
- «Алюстоз».
- Иваново.
- Омий.
- Донте.
- «Орестия».
- Навопир.
- Вулкан.
- Кинжолет.
- Транжко.
- Моисто.
- Сидерит.
- Витал.
- Гайдар.



Казалось, ничто не предвещало сенсаций.

Диктор объявлял о женской комбинированной эстафете 4x100. Буря оваций потрясла бассейн, когда публичка услышала фамилию Лонсбре: олимпийская чемпионка на дистанции 200 метров брассом защищала честь команды Великобритании. В этом шуме потонуло имя ее русской соперницы.

Заплам началось, и сразу же завязалась напряженнейшая борьба — олимпийская чемпионка никак не могла оторваться от спортсменки в алом купальном костюме с гербом Советского Союза.

Потом судья-информатор сказал: «На этапе спортсменок-брассисток одинаковое время показали олимпийская чемпионка Лонсбре и советская спортсменка Прокуменщикова».

Так на мировой спортивной арене впервые прозвучало имя тринадцатилетней школьницы из Севастополя. В том же, 1962 году четверо советских пловцов: Г. Прокопенко, В. Кузьмин, Л. Барбьер и Г. Андросов — завоевали звание чемпионов Европы. А еще через год уже в Токио, И. Каретников и Г. Прокуменщикова снова подтвердили, что они одни из сильнейших брассистов мира.

«Генеральные репетиции» перед олимпийскими битвами продолжаются. В английском городе Блэнпуле Г. Прокуменщикова на дистанции 220 ярдов показала результат 2 минуты 47,7 секунды. На соревнованиях в Берлине Прокуменщикова вновь улучшила мировой рекорд.

Советские пловцы взяли твердый курс на обновление мировых рекордов. Недавно Г. Прокопенко улучшил рекорд мира, принадлежавший американцу Ч. Ястремскому в плавании брассом на 100 метров. Он же повторил рекорд американца на дистанции 200 метров.

Пожелаем же им отличных стартов в Токио!

Н. КРЮКОВ,

ответственный секретарь
Федерации плавания СССР

ВАЛЕНТИН КУЗЬМИН

